СКАЗАНІЯ.

В. АНУЧИНЪ.

В. Анучинъ.

СКАЗАНІЯ.

Цѣна 50 коп.

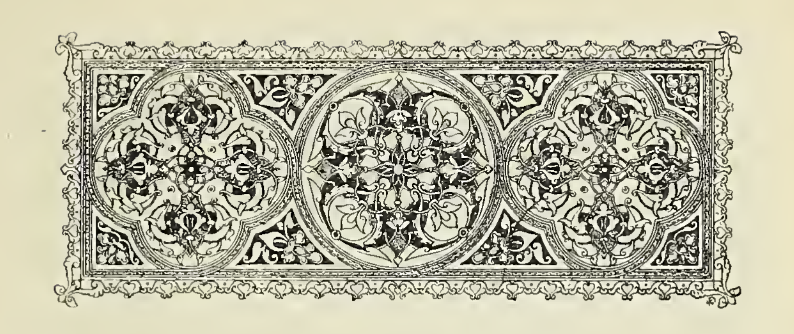
С.-Петербургъ
Издательство О. Н. Поповой
Невскій 54.

Дозв. цензурою. С.-Петербургъ, 31 марта 1905 г.

Сказанія.

В҄ народѣ взяв҄, народу возвращаю.

Туда, къ лучезарному царству.

Туда, къ Лучезарному царству.

Онъ шелъ.

Кругомъ чаща, угрюмая, непросвѣтно-темная чаща и нѣтъ пути.

Цѣпкіе сучья рвутъ его вѣтхія одежды, густыя поросли заплетаютъ усталыя ноги, но онъ, то увязая въ зыбучихъ трясинахъ, то кровавымъ слѣдомъ отмѣчая свой путь на острыхъ каменьяхъ, онъ пытливо раздвигаетъ тяжелыя, мохомъ обросшія вѣтви и идетъ, неустанно идетъ.

Восходитъ солнце и заходитъ, но въ лѣсу

не видно его и рѣдко-рѣдко робкій лучъ проникнетъ подъ мрачный сводъ вѣтвей. Золотистымъ бликомъ скользнетъ онъ по стволу старой сосны, разсыплется тысячью искръ по росистому мху — и тогда идущій говоритъ себѣ:

— Иди, Аласа̀, иди. Должно быть уже не далеко!

Когда-же заходило солнце и багровая заря, пылая на небѣ, роняла въ чащу кровавые отблески, идущій говорилъ себѣ:

— Спѣши, Аласа̀, спѣши! Ты видишъ свѣтъ уже меркнетъ!

Настанетъ ночь и сонмы тѣней беззвучно заполняютъ нѣмыя дебри, чаща тонетъ въ холодномъ, непроглядномъ мракѣ — и тогда черныя думы тяжелымъ камнемъ ложились на сердце идущаго; стеная опускался онъ на мохъ и говорилъ себѣ:

— Опоздалъ, Аласа̀, опоздалъ. Ты видишь, свѣтъ уже погасъ!

И его стоны безотвѣтно замирали въ мертвенно-сонныхъ трущобахъ, а слезы безслѣдно терялись во мху.

Но снова всходило солнце и снова шелъ Аласа̀.

Онъ шелъ туда, къ Лучезарному царству, гдѣ на высокой горѣ стоитъ хрустальный дворецъ, исполненный дивнаго свѣта, гдѣ нѣтъ страшной ночи, нѣтъ смраднаго мрака гніющихъ трущобъ, гдѣ такъ свѣтло, что и на это, чуть видное сквозь сводъ вѣтвей, небо порою падаютъ оттуда робкіе отблески. Загадочнымъ сіяніемъ мерцаютъ эти зарницы на полночномъ небосклонѣ, мерцаютъ и будятъ смутныя думы, пытливыя мысли, таинственно манятъ онѣ и зовутъ туда, къ Лучезарному царству....

И шелъ Аласà.

Догорала зоря. Низко поникъ головою идущій, онъ усталъ, изнемогъ.

Скорбный духъ унынія повѣялъ на сердце его дуновеніемъ черныхъ крылъ и охладѣло сердце идущаго.

— Не дойти, Аласà, не дойти!—шепчетъ онъ,—ты видишь....

Онъ поднялъ голову—и свѣтомъ радости просіяло изможденное чело.

Кончился лѣсъ и передъ глазами идущаго, теряясь въ туманной дали, широко-широко раскинулась безбрежная равнина—тундра; надъ нею повисло необъятное небо; по небу загораются несмѣтныя звѣзды и нѣтъ конца простору.

— Иди Аласа, иди. Теперь недалеко!

И бодро шелъ Аласа по равнинѣ и долго онъ шелъ.

Взойдетъ отецъ свѣта—солнце, ярко озаритъ равнины и тогда края ея сливаются съ небомъ; настанетъ ночь, всплыветъ луна и даль утопаетъ въ серебристомъ туманѣ.

Не видно предѣловъ равнины, нѣтъ конца пути.

И изнемогъ идущій. Тщетно взираетъ онъ въ безграничную даль—тамъ мертвая тундра и небо, напрасно вглядывается въ ночные туманы—тамъ пусто.

И безмолвенъ Аласа и не можетъ идти онъ, онъ не можетъ идти и упалъ.

Смутными видѣньями бродятъ по равнинѣ, беззвучно крадутся куда-то таинственныя тѣни ночи. Холодно, какъ очи призраковъ, сіяютъ звѣзды въ черномъ небѣ и тихо все кругомъ и неподвижно, спитъ тундра мертвымъ сномъ.

И вдругъ вздрогнули тѣни, испуганнымъ стадомъ заметались по равнинѣ, померкли звѣзды и вспыхнулъ дивнымъ заревомъ полночный небосклонъ.

Отъ края тундры и до зенита раскинулся беззвучно и заблисталъ въ цвѣтныхъ огняхъ

и переливахъ волшебный вѣеръ... колышется... мерцаетъ... меркнетъ и снова ярко загораетъ.

И смотритъ Аласа.

— Должно быть близко!.. близко!

Хочетъ встать и не можетъ... и поползъ Аласа.

Ползетъ—и рѣжутъ былинки хилое тѣло, впиваются въ раны колючіе терніи, побѣдно гудятъ, кружась надъ нимъ, миріады, почуявшихъ кровь, комаровъ и поѣдаютъ изнемогающаго. А онъ, собирая послѣднія силы, вынимаетъ занозы изъ ранъ, слабымъ мановеніемъ отмахивается отъ мучителей и изсякаютъ силы его. Сочатся кровью язвы; торжествующе гудятъ рои комаровъ... и не можетъ ползти Аласа и сказалъ, простершись во прахѣ:

— Умирай, немощный! Умирай на этихъ ничтожныхъ былинкахъ!

А тамъ, вверху пылаютъ все ярче разгораются зарницы, все шире все выше разливаются по небу; трепещутъ, мечутся по тундрѣ встревоженныя тѣни, но неподвиженъ лежитъ Аласа.

Его сердце не бьется радостнымъ трепетомъ

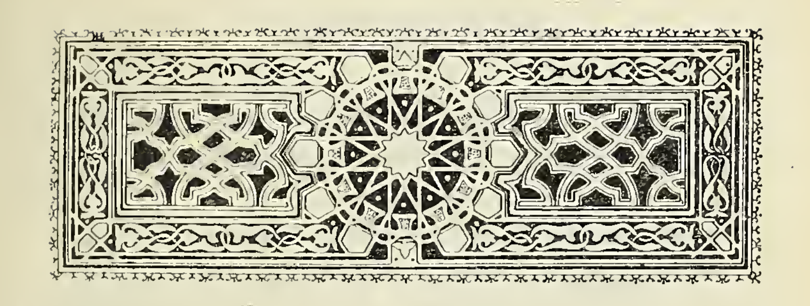
стремленія и скорбно шепчутъ леденѣющіе уста:

— Умри, Аласа, умри!.. Лучезарное царство слишкомъ далеко!

1899 г.

ВѢЧНЫЙ СКИТАЛЕЦЪ.

Вѣчный скиталецъ

Чуткая, полная грезъ и ароматовъ майская ночь тихо опустилась на землю, и міръ почилъ.

Спитъ темный Енисей на днѣ долины, спятъ великаны-горы, что громоздятся кругомъ и уходятъ въ звѣздное небо скалистыми вершинами, спитъ и черный лѣсъ по горамъ.

Ни звука,—только рѣдко-рѣдко въ густой листвѣ прибрежныхъ ивняковъ, словно лепетъ спящаго дитяти, пробѣгаетъ робкій шорохъ, да невидимая волна тихо всплеснетъ на каменистый берегъ и смолкнетъ.

У подножія чернаго великана-утеса, словно

укрывшись подъ его защиту, притаилась бѣлая барка, притаилась и тихо дремлетъ, распластавъ надъ водою длинныя весла.

Крохотный огонекъ робко мигаетъ на кормѣ, а боязливыя тѣни то окружатъ его сплошнымъ чернымъ кольцомъ, то вдругъ вздрогнутъ и трусливо отскочатъ и спрячутся за груды бѣлыхъ мѣшковъ; сухія дрова весело потрескиваютъ; рокочетъ въ чайникѣ закипающая вода; блестящія искорки, шипя, взлѣтаютъ на воздухъ и таютъ во мракѣ ночи.

Крѣпко спятъ усталые сплавщики и старый Ѳома, справляющій сегодня череду, тоже невольно клонитъ на грудь сѣдую голову и въ полуснѣ что-то невнятно шамкаетъ.

— У-у! — тихимъ стономъ прозвучало съ вершины утеса, но чуткое ночное эхо отзывчиво откликнулось и тоже тихо простонало.

Старый Ѳома встрепенулся, боязливо посмотрѣлъ въ сторону спящихъ товарищей и, повернувшись къ утесу, тихо проговорилъ:

— Ступай, спи себѣ, бѣдный Джиркинъ, мирно спи!

Сказалъ и сунулъ въ прогорѣвшій костеръ нѣсколько полѣнъ, огонекъ исчезъ подъ ними, дымъ густыми клубами заколыхался надъ баркой.

— У-у! — снова, но нѣсколько громче, раздалось съ утеса и снова простонало чуткое эхо.

— Дѣданька! — прошепталъ кто-то изъ-за груды мѣшковъ, — дѣданька! Это кто тамъ ухаетъ?

— Дремай, дремай, Ивась, это такъ... — отвѣчалъ Ѳома.

— Такъ?.. А онъ же стонетъ, дѣданька... Може ему больно?

Ивась вылѣзъ изъ-за мѣшковъ и подсѣлъ къ костру рядомъ со старикомъ.

— Чего-жъ ему стало больно. Это онъ... такъ! — нехотя отвѣчалъ Ѳома и закурилъ трубку.

— А онъ кто?

— О-тто! кто-жъ его знаетъ?

Вспыхнули смолевыя дрова, всколыхнулся снопъ золотистыхъ искръ и, весело загудѣвшій, костеръ ярко освѣтилъ собѣсѣдниковъ.

Густо оброcшій волосами, съ бородою по поясъ, весь бѣлый Ѳома и маленькій, черный какъ жукъ, Ивась фантастично живо обрисовались на темномъ фонѣ утеса.

— Эге, — встревожился Ѳома, глядя на буйный костеръ, — какъ бы намъ, Ивась, барку

не спалить. Глянь, поди, не завалилась ли гдѣ искра?

— Ни, дѣда, не завалится,—задумчиво, не пошевельнувшись отвѣтилъ Ивась,—Вишь, онѣ за корму сыплются.

— Ну-ну, сиди ужъ, лѣнтяюшко!..—добродушно проговорилъ старикъ.

— Слышь? слышь, дѣда, опять ухаетъ!—взволнованно прошепталъ Ивась.

Но Ѳома сосредоточенно уставился на костеръ, дѣлая видъ, что ничего не слышитъ.

— Дѣда, а може то лѣшій?

— Сш-ш!—гнѣвно зашипѣлъ Ѳома и торопливо плюнулъ черезъ лѣвую руку. Мальчикъ сконфуженно покосился на старика и примолкъ.

— Развѣ такъ можно? Сколько разъ говорилъ еще тебѣ!—укоризненно шепталъ старикъ.

— Я забылъ, дѣданька.

— Какъ можно забывать! Какой же ты таёжный человѣкъ послѣ этого будешь!

Ѳома, сурово нахмуривъ лохматыя брови, сердито потянулъ изъ трубки,—та ярко вспыхнула и гнѣвно захрипѣла.

—Дѣда!

—Чего еще тамъ?—ворчливо отозвался Ѳома.

— Дѣда, миленькій, разскажи!—говорилъ мальчикъ, ласкаясь къ старику.

Брови стараго Ѳомы дрогнули и поползли куда-то вверхъ.

— Смотри, Ивась, смотри, рыбина-то какая большая всплеснулась!—попытался схитрить старикъ.

— Разскажи, дѣда!

— Ну-ну, пострѣлъ. Что же разсказать то тебѣ?

— Все, дѣда: кто на утесѣ стонетъ и кого ты спать посылалъ.

— Вишь, шустрый какой, все слышитъ. Добойный парень будетъ.

И старый Ѳома любовно потрепалъ Ивасеву голову.

— Ну!—торопилъ мальчуганъ.

— Такъ вотъ,—тихимъ шопотомъ началъ Ѳома, словно боясь, что чуткая ночь подслушаетъ его разсказъ, — давно, вишь, дѣло-то было, очень давно,—и жилъ тогда на свѣтѣ человѣкъ именемъ Баджей. Жилъ онъ въ горахъ, между двухъ рѣкъ; одна по широкой долинѣ струилась, а другая грухою трущобой дорогу себѣ проложила. Богатъ былъ домъ стараго Баджея, много у него всякаго добра:

серебра и золота, и мѣховъ, и камней самоцвѣтныхъ, много слугъ добрыхъ, а скотины и счету нѣтъ.

Только завидно стало Баджею, что у бѣднаго сосѣда Джиркина олени очень ужъ добрые родятся, рога — какъ старый кедръ густые, ноги—словно изъ стали кованы, а бѣжать пойдутъ—и-и!.. вѣтеръ отстаетъ.

Пришелъ однажды Баджей къ сосѣду и говоритъ:

— Будь здоровъ, братъ Джиркинъ, дому твоему миръ!

— Садись, Баджей,—гость будешь. Чѣмъ ласкать прикажешь?

— Прими привѣтъ,—ничего не хочу; говоритъ пришелъ!

— Скажи, братъ мой.

— Продай оленей.

И темная тучка легла на лбу Джиркина и онъ сказалъ:

— Прощай, Баджей.

— Не обезсудь, Джиркинъ! — отвѣтилъ Баджей и ушелъ.

*
* *

Было лѣто, была осень, и зима бѣлымъ

саваномъ горы покрыла, когда надѣлъ Баджей лыжи и снова пришелъ ко двору сосѣда.

— Тепло въ избу, добрый сосѣдъ,—сказалъ онъ.

— Зайди раздѣлить его, — пригласилъ Джиркинъ.

— Зайду, коль объ оленяхъ говорить будемъ.

— Нѣтъ, Баджей! Дай умереть, тогда приходи.

И разгнѣвался старый Баджей и сказалъ:

— Покаешься же ты, дерзкій нищій, да будетъ поздно!

Такъ отъ матери-зависти родилась дочь-вражда и стала вражда расти. И возненавидѣлъ Баджей Джиркина и стали люди враги.

Была ночь. Темная бурная ночь. По горамъ воетъ злой сѣверный вѣтеръ и гонитъ куда-то черныя, мокрыя тучи, а онѣ не хотятъ летѣть, безпомощно цѣпляются за высокіе утесы и плачутъ дробными слезами. Шумитъ и стонетъ темная тайга, скрипятъ старыя сосны и не слышно было, какъ двѣ тѣни подкрались изъ лѣсу къ хижинѣ Джиркина.

Была страшная буря той ночью. Великій громъ бѣгалъ по горамъ и металъ огненныя

стрѣлы на землю и не знали люди, за что наказанъ Джиркинъ, когда увидали его хижину, объятую пламенемъ.

Плакали черныя тучи той ночью, плакали старыя березы, —заплакалъ тогда и Джиркинъ.

И снова пришелъ Баджей къ сосѣду и сказалъ:

— Вотъ ты теперь бѣденъ, Джиркинъ, — продай мнѣ твоихъ оленей и ты будешь богатъ.

— Владѣй своимъ богатствомъ, а я буду пасти моихъ оленей!—отвѣтилъ Джиркинъ и ушелъ.

Долго бродилъ онъ. Старыя сосны укрывали его въ непогоду, холодныя скалы защищали отъ злыхъ вѣтровъ, но никто не могъ укрыть и защитить его маленькаго сына, и одна только темная ночь знала, почему Джиркинъ сталъ бездѣтнымъ, да хищные вороны три дня и три ночи каркали въ трущобѣ, веселясь за сытнымъ обѣдомъ.

И проклялъ то мѣсто Джиркинъ и, проливая слезы, пошелъ еще дальше. Пошелъ онъ туда, гдѣ пустынныя вершины вѣчно-снѣжныхъ горъ громоздятся къ самому небу, гдѣ родятся тучи и рѣки. Пошелъ Джиркинъ, но

забылъ, что олени оставляютъ слѣдъ, — а старая старуха-горе, бродя по свѣту, увидала тѣ слѣды, пошла по нимъ и настигла Джиркина, и не стало у него оленей.

И былъ теперь Джиркинъ нищій и сирота, но его очи не оросились слезой. Лютая злоба разожгла его сердце и оно поглотило слезы; только глубокія морщины еще рѣзче залегли на хмуромъ челѣ, да въ глазахъ заблистали зарницы отъ той грозы, что бушевала въ сердцѣ его.

И не приходилъ теперь богатый Баджей покупать у Джиркина оленей.

* * *

Шли годы. Вершины снѣжныхъ горъ все также курились тучами, все тѣ же рѣчки шумѣли по долинамъ, тѣ же скалы стояли по краямъ темныхъ ущелій, но тамъ, гдѣ были молодыя рощи, теперь стояли тѣнистые лѣса, тамъ, гдѣ дымился очагъ Джиркина, теперь шумѣли зеленой листвою молодыя березки и тамъ, гдѣ лежалъ когда-то отецъ богатаго Баджея, теперь возлегъ онъ самъ и смерть стояла у его изголовья.

И сказалъ Баджей:

— Хочу умереть и не могу! Пусть придетъ

Джиркинъ и скажетъ доброе слово, — тогда умру.

И пришелъ Джиркинъ.

— Прости меня,—шепчетъ Баджей,—прости, братъ мой!

Молчитъ Джиркинъ.

— Развѣ огонь любви потухъ въ сердцѣ твоемъ?

— Давно!

— И ты не можешь прощать?

— Я проклялъ свою мать и отца.

— Но посмотри, можетъ быть, въ сердцѣ твоемъ еще теплится искорка жалости, тогда прости меня, дай мнѣ увидѣть жилище отцовъ.

— Что тебѣ въ моемъ прощеніи?

Задрожалъ всѣмъ тѣломъ Баджей и тихо прошепталъ:

— Прости меня, братъ мой,—это я сжегъ твою хижину!

— Ты?!

— Да!—хрипѣлъ Баджей,—и это я же... это я убилъ сына твоего!

— Это ты убилъ его?—И въ глазахъ Джиркина блеснулъ огонь ярости, а рука потянулась къ кинжалу.

— Нѣтъ... не убивай!—стоналъ Баджей,—

ты видишь: смерть стоитъ у моего изголовья. Прости сына родины твоей, братъ мой! Добрые духи давно оставили меня, а злые внушили мнѣ завистъ и толкнули на путь преступленій! Теперь душа моя подобна червю, упавшему въ огонь, мое сердце... оно полно смолы кипящей, а тѣло... ты видишь, оно покрылось язвами и сочитъ зловоннымъ гноемъ,— не оскверняй же твоего свѣтлаго кинжала и пусть онъ останется чистымъ!

И стоялъ Джиркинъ передъ ложемъ страшной смерти, на которомъ, какъ таёжная осина, трепетало грѣховное тѣло Баджея,—и долго длилось молчаніе.

— Ты еще не убилъ меня?—сказалъ Баджей,—въ сердцѣ твоемъ еще живетъ жалость... Прости же меня еще разъ: это я... да... это я укралъ твоихъ оленей!

И страшная черная тѣнь скользнула по лицу Джиркина, туманомъ страсти легла месть въ очяхъ его и простеръ онъ руки надъ смертнымъ одромъ Баджея и сказалъ:

— Будь трижды проклятъ ты, трижды убившій брата своего! Отъ вѣка и до вѣка не будетъ тебѣ моего прощенія. Будешь ты вѣчно умирать и никогда не умрешь! Пусть

черные вороны неустанно прилетаютъ къ тебѣ и терзаютъ твое гнойное тѣло. И не будетъ у тебя близкихъ, чтобы пролить масло на язвы твои. Люди будутъ убѣгать отъ смрада тѣла твоего, и станешь ты стонать—и не услышатъ тебя. Пусть будетъ все это!

И вдругъ нависли надъ домомъ Баджея грозныя тучи; ослѣпительно блистая, извились между ними тысячи огненныхъ змѣй, грянулъ и раскатился стоголосымъ эхо въ горахъ вѣщій громъ... и стихло. Приникъ въ глухомъ ущельѣ вѣтеръ; смолкъ вѣчно-рокочущій лѣсъ; притаила дыханіе вся природа,—и вотъ средь темныхъ тучъ возсіялъ яркій свѣтъ, и тогда тучи одѣлись въ багряницу, а снѣжныя вершины горъ стали кровавыми, и зазвучалъ изъ тучъ громкій голосъ и сказалъ онъ:

— Пусть будетъ по слову сказавшаго проклятье, но и тебѣ, Джиркинъ, отъ вѣка и до вѣка не будетъ моего прощенія за то, что ты проклялъ просившаго милости твоей. И захочешь ты умереть и не умрешь, но будешь вѣчно скитаться по горамъ и лѣсамъ, не зная сна, не вѣдая покоя. И будутъ черныя думы прилетать къ тебѣ и неустанно терзать твое жестокое сердце, и не будетъ у тебя близ-

кихъ, чтобы утѣшить тебя. Убѣгутъ люди отъ страха, увидѣвъ лицо твое, и будешь ты стонать и не пожалѣютъ тебя. Да будетъ все это!

И снова снопъ огненныхъ змѣй низринулся съ неба и грознымъ эхо откликнулись горы, внимая громамъ.

*
* *

Давно это было, такъ давно, что люди забыли то мѣсто, гдѣ лежитъ, вѣчно умирая, старый Баджей. Говорятъ только, что гдѣ-то далеко, на полднѣ есть высокія горы и на вершинѣ одной изъ нихъ стоитъ ложе Баджея. Люди и звѣри и птицы оставили страну ту; отъ смрада высохли деревья и травы,—и на много-много верстъ кругомъ той горы раскинулась мертвая пустыня. Только черные вороны прилетаютъ туда и долбятъ гнойное тѣло Баджея и правятъ старому вѣчную тризну, да буйный вѣтеръ, носясь надъ міромъ, бываетъ тамъ и, возвращаясь, приноситъ оттуда страшныя моры и язвы.

А бѣдный Джиркинъ донынѣ бродитъ по дебрямъ Сибири. Весь въ черномъ, съ блѣдно-зеленымъ лицомъ, онъ неустанно идетъ по тайгѣ, всходитъ на горы, спускается въ тем-

ныя долины, взбирается на высокіе утесы, а черныя думы рвутъ его сердце и онъ стонетъ отъ боли. И нѣтъ у него крова, нѣтъ утѣшенія, нѣтъ ему смерти.

Только узнали люди, что если услышишь въ тайгѣ его стонъ, то нужно отъ чистаго сердца сказать ему доброе слово:—„Ступай, спи себѣ, бѣдный Джиркинъ, мирно спи!“— и тогда на всю ночь ему можно укрыться въ пещерахъ, и сидитъ онъ недвижимо тамъ и въ измученномъ сердцѣ его теплится радость покоя.

Когда же надъ міромъ сбирается буря; когда въ страхѣ замрутъ звѣри и птицы, и перестаетъ шумѣть великая тайга; когда передъ первымъ ударомъ грома притаитъ дыханіе все живущее, и настаетъ великое затишье,—тогда въ вершинахъ горъ слышатся тяжелые вздохи и внемлютъ имъ люди и знаютъ, что это Джиркинъ, чуя бурю, вспоминаетъ страшный день проклятья и черныя думы еще лютѣе терзаютъ тогда и рвутъ его сердце и больно ему.

И тогда безпомощно людское доброе слово.

*
* *

Кончилъ старый Ѳома и замолкъ, погрузившись въ раздумье. Молчалъ и Ивась, слѣдя

задумчивымъ взглядомъ за серебристыми змѣйками, что безъ конца рождались отъ робкаго блеска звѣздъ на темныхъ водахъ Енисея: родится, блеснетъ, извиваясь и тонетъ въ безднѣ...

— Дѣда!—тихо проговорилъ мальчикъ.

— Что тебѣ?

— А ты его видѣлъ?

— Ни, родимый, не видѣлъ. Да и не можно видѣть его, прячется онъ отъ людей, чтобъ не испугать ихъ лицомъ своимъ...

— А какъ же ты знаешь, что онъ въ черномъ ходитъ и что лицо у него страшное?

— Гм! а это такъ старики говорятъ... Помнишь вотъ Игната-сплавщика, который еще утонулъ-то прошлымъ лѣтомъ?

— Помню.

— Такъ вотъ, плылъ онъ однажды Енисеемъ. Ночь лунная такая, свѣтлая была. Плывутъ они съ товарищемъ, не гребя, внизъ по теченію и замолкли что-то... только глядь, а на вершинѣ утеса стоитъ кто-то и смотритъ на рѣку. Видно его, хорошо видно: стоитъ и руки сложилъ на груди. Увидѣлъ людей и скрылся, а потомъ простоналъ изъ тайги: ночи спокойной проситъ...

— Дѣда!—быстро прервалъ мальчикъ тихую рѣчь старика.

— Что ты!—встревожился Ѳома.

— Ты говоришь, что ему хорошо въ этой пещерѣ самой?

— Ну?

— И что если ему сказать доброе слово, то ему можно уйти туда?

— Да!

— Такъ я скажу ему, чтобы онъ сидѣлъ тамъ не только завтра, а всегда какъ захочетъ!

— Не знаю, какъ это... Одну-то ночь это извѣстно, что можно, а чтобы всегда...

— Такъ давай, дѣданька, скажемъ вмѣстѣ— я и ты, можетъ, тогда можно будетъ!

— Не знаю, право,—уже колебался Ѳома.

— Скажемъ, дѣданька хорошій!

— Ну-ну!—согласился тотъ.

Быстро вскочилъ Ивась, крехтя поднялся старый Ѳома, — подошли къ краю барки и, обратившись въ сторону черного утеса, вразъ проговорили:

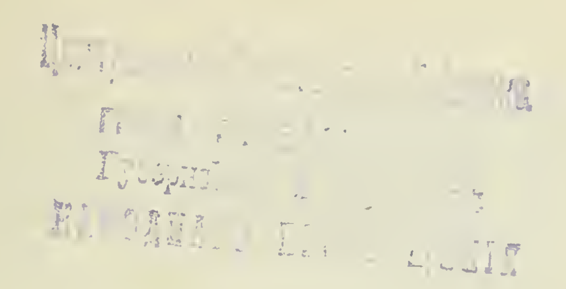
— Ступай, спи себѣ, бѣдный Джиркинъ, мирно спи... когда только захочешь!

И громко, какъ въ пустомъ храмѣ, прозву-

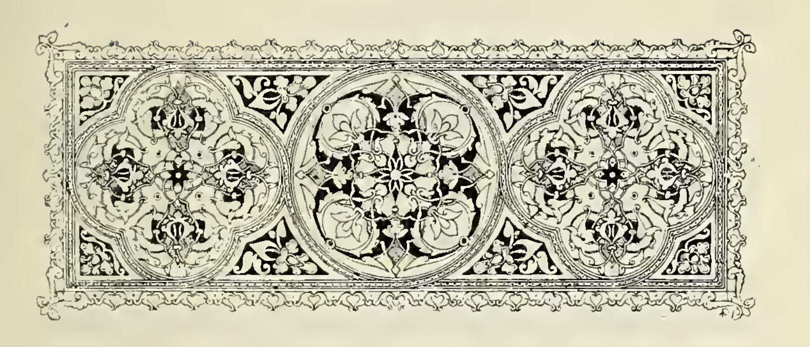
чало надъ спящимъ Енисеемъ доброе слово; проснулось гдѣ-то далеко, во тьмѣ безлунной ночи чуткое эхо, подхватило то слово и, радостно повторяя его, побѣжало въ горы, словно спѣша передать Джиркину.

1899 г.

ТАКМАКЪ.

Такмакъ [1].

Высоко-высоко вздымается къ синему небу старый утесъ-великанъ, черный Такмакъ. Далеко-далеко видна его, только орламъ доступная, вершина. Давно-давно стоитъ черный Такмакъ.

Года проходили; вѣка миновали; тысячелѣтія тонули въ глубокомъ туманѣ былого; вымирали племена и народы; рушились великія государства, а Такмакъ стоитъ недвижимо.

---

[1] Такмакъ—утесъ, находящійся въ горахъ, близъ г. Красноярска.

Приходитъ весна и по всему міру, преисполненному духа жизни, звучатъ гимны славы Творцу вселенной.

Шумятъ въ горныхъ вершинахъ дремучіе лѣса; грохочутъ по камнямъ бурные потоки; благоухаютъ цвѣтами зеленыя долины, а надъ ними звенятъ и трелью льются пѣсни жаворонковъ и царитъ свѣтлая радость надъ міромъ, но мраченъ стоитъ старый Такмакъ и, какъ угрюмое привидѣніе, поднимается онъ надъ зеленымъ моремъ лѣсовъ.

Зима бѣлымъ саваномъ покрываетъ горы, долины и степи; необъятно широко, отъ горъ и до моря, разстилается тогда кругомъ бѣлоснѣжная пелена и только грозный Такмакъ траурнымъ, чернымъ пятномъ выдѣляется на бѣломъ фонѣ мертвыхъ снѣговъ.

* * *

Давно-давно,—объ этомъ не помнятъ даже старыя совы, что теперь доживаютъ свой вѣкъ въ темныхъ ущельяхъ таежныхъ дебрей,—пришла и поселилась въ горахъ семья великановъ.

Дѣти далекой полдневной страны, гдѣ царитъ безконечное лѣто, гдѣ лѣса шумятъ вѣчнозеленой листвой, они пришли сюда, убѣгая отъ

страшнаго чудовища, которое вторглось въ страну ихъ и пожирало людей.

Пришли и жили.

То были старый Такмакъ, его сынъ и жена.

И сталъ старикъ ловить рыбу, сынъ ходилъ въ горы по птицу и звѣря, а старуха присматривала за огнемъ.

И увидѣлъ ихъ духъ Агутагъ, владыка горной страны; онъ видѣлъ, какъ жили люди и сказалъ:

— Это хорошо!

Зефиры, слуги Горнаго духа, побѣжали къ старику и сказали:

— Агутагъ, владыка этой страны, тебя привѣтствуетъ!

— А какія жертвы я долженъ приносить моему новому владыкѣ?—спросилъ Такмакъ.

И прибѣжали другіе зефиры и отвѣчали:

— Нашъ владыка ни отъ кого не требуетъ жертвъ, онъ увидѣлъ, что твое сердце подобно весеннему цвѣтку и сказалъ: „Это хорошо!"

— Это хорошо! Это хорошо!—шумно загудѣла зеленая дубрава.

— Это хорошо!—прозвенѣлъ, прыгая по камешкамъ, ручеекъ. А цвѣты радостно закивали головами.

И жилъ Такмакъ, благословляя тотъ часъ, въ который онъ вступилъ въ страну добраго духа Агутага.

Только однажды вспомнилъ старикъ про вѣчно-зеленые лѣса своей далекой родины— и омрачилось чело его и въ сердцѣ его проснулась тоска.

Посмотрѣлъ онъ на высокія горы, что стояли кругомъ, мощно вздымаясь къ небу; посмотрѣлъ на Великую рѣку, что омывала ихъ скалистыя подножія; посмотрѣлъ на лазурное небо, по безграничной шири котораго куда-то бѣжали бѣлоснѣжныя тучи,—посмотрѣлъ онъ и сказалъ себѣ:

— Хорошо здѣсь! Премудро устроилъ страну свою добрый Агутагъ,—почему же онъ не велѣлъ этому лѣсу быть вѣчно-зеленымъ, тогда было бы еще лучше!

И взошелъ Такмакъ на высокую гору и сказалъ:

— Слышишь ли ты меня, добрый Агутагъ?

— Онъ всегда тебя видитъ и слышитъ,— отвѣчали зефиры.

— Вотъ я пришелъ,—говорилъ Такмакъ,— чтобы узнать: почему этотъ лѣсъ не радуетъ

глаза мои вѣчною зеленью, какъ тамъ, въ полдневной странѣ?

— Это потому, — отвѣчали зефиры, — что сюда прибѣгаютъ злые слуги Чернаго царя, живущаго въ холодномъ полночномъ царствѣ, они срываютъ всѣ листья съ деревьевъ и разбрасываютъ ихъ по землѣ, они своимъ холоднымъ дыханіемъ убиваютъ по лугамъ травы и засыпаютъ ихъ снѣгомъ.

— А развѣ добрый Агутагъ позволяетъ имъ дѣлать это? — спросилъ Такмакъ, — или онъ безсиленъ прогнать тѣхъ, кто раззоряетъ страну его?

Смолкли зефиры и, словно далекій раскатъ грома, прозвучалъ по горамъ голосъ Агутага и говорилъ онъ:

— Я — отецъ живущихъ въ странѣ моей! Иди домой, старый Такмакъ, ты будешь имѣть вѣчно-зеленый лѣсъ.

И пошелъ Такмакъ, благословляя добраго владыку, а Агутагъ призвалъ къ себѣ чернаго ворона, далъ ему чашу живой воды и велѣлъ окропить лѣса, чтобъ они были вѣчно зелеными.

Воронъ взялъ чашу и сталъ подниматься подъ облако, но вдругъ увидѣлъ орла, испугался, выронилъ чашу и пролилъ всю воду

на кучу деревьевъ, у которыхъ листья подобны игламъ, а съ деревьевъ вода стекла на мохъ.

И вотъ пришла осень, прибѣжали изъ полночнаго царства холодные вѣтры—злые слуги Чернаго царя, почернѣли поля и лѣса, но невредимо стоятъ, зеленѣя, деревья, у которыхъ листья подобны игламъ и лежитъ зеленымъ мохъ у подножія ихъ.

Увидѣлъ Такмакъ, что есть у него вѣчнозеленый лѣсъ, который не боится слугъ полночнаго царя, и взошелъ онъ на высокую гору и громко воскликнулъ:

— Великъ духъ Агутагъ, повелитель горной страны! Прими же, могучій отецъ, хвалу сына твоего!

И молчалъ Агутагъ и ничего не сказали зефиры, только полночные вѣтры еще яростнѣй набросились на лѣса, бѣшено закружились они по долинамъ, злобно завыли по темнымъ ущельямъ.

*
* *

И шло время и жилъ старый Такмакъ въ своей теплой долинѣ, куда не могли пробраться полночные вѣтры.

Была зима. Однажды пошелъ Такмакъ за водой и видитъ: нѣтъ воды. Замолкли подъ

снѣгомъ говорливые ручейки, не бурлятъ по камнямъ горныя рѣчки и Великая рѣка скрылась подъ толстой корой.

— Горе мнѣ!—сказалъ Такмакъ,—добрый Агутагъ забылъ раба своего и злые духи истребили всю воду!

И снова пошелъ Такмакъ на высокую гору.

— Агутагъ! Агутагъ! вонми рабу твоему!

— Вонми рабу твоему,—повторилъ черный утесъ.

— Вонми рабу твоему,—сказалъ кто-то изъ тьмы ущелья.

Смолкло, и снова мертвая тишина воцарилась надъ безпредѣльнымъ моремъ снѣговъ.

— О, повелитель горъ, лѣсомъ-шумящихъ и рѣкъ бурно-текущихъ, посмотри: злые духи истребили всю воду и теперь погибнетъ рабъ твой!

— Погибнетъ рабъ твой,—повторилъ черный утесъ.

— Погибнетъ рабъ твой,—сказалъ кто-то изъ тьмы ущелья.

И почуялъ Такмакъ холодъ въ груди своей и сердце его затрепетало страхомъ.

— Горе мнѣ, добрый Агутагъ! Злые духи овладѣли страной твоей и вѣщаютъ теперь,

мнѣ погибель! О, прогони ихъ и спаси раба твоего!..

И вдругъ шумъ и грохотъ раздались на днѣ долины и видитъ Такмакъ:

Средь груды, засыпанныхъ снѣгомъ, скалъ проснулись воды. Тяжело рухнули и разсыпались ледяныя оковы и гудитъ бурный потокъ и звенятъ льдины о камни, кипитъ и пѣнится хрустальная вода.

— Великъ, трижды великъ Агутагъ!—воскликнулъ Такмакъ,—и гдѣ тотъ, кто подниметъ руку на дѣтей его?!

И посмѣялся Такмакъ надъ чернымъ утесомъ и плюнулъ въ темное ущелье.

*
* *

Шло время и настала пора, когда солнце ласковѣе взглянуло на застывшую землю и она очнулась отъ чаръ злого полночнаго царя. Загудѣли въ горахъ шумные потоки; загрохотали рѣчки по долинамъ и разбудили Великую рѣку; она всколыхнулась, сбросила холодныя оковы, разбила, разломала ихъ на мелкіе куски и гордо понесла во владѣнія полночнаго царя.

Прилетѣли изъ далекихъ полдневныхъ странъ большія и малыя птицы и запѣли веселыя

пѣсни о вѣчномъ солнцѣ и разбудили той пѣсней угрюмую тайгу, она проснулась и веселый гулъ зеленой листвы зазвучалъ по долинамъ. Прибѣжали шаловливые зефиры и понеслись по лугамъ играть съ душистыми цвѣтами, гоняться за яркокрылыми бабочками.

И сказалъ тогда Такмакъ сыну своему:

— Пойдемъ, Кизямъ, на труды свои — добрый Агутагъ опять милостивъ къ намъ.

— Ты старъ, отецъ мой,—отвѣтилъ Кизямъ,—мнѣ будетъ стыдно видѣть тебя работающимъ.

И пошелъ Кизямъ одинъ туда, гдѣ по горамъ паслись козы, гдѣ по лугамъ рѣзвились олени.

Былъ вечеръ и солнце тонуло за горами, когда Кизямъ, обремененный обильной добычей, возвращался домой.

Идетъ по долинѣ, тамъ, гдѣ бурная рѣчка то съ веселымъ гомономъ скачетъ съ камня на камень, то тихо струится по лугамъ, то незримая журчитъ по корнямъ столѣтнихъ сосенъ, идетъ Кизямъ и видитъ: по берегу рѣчки ярко горятъ и блещутъ, какъ искры, какіе-то камни.

Взялъ Кизямъ одинъ камень съ собою и принесъ старику.

— Посмотри, отецъ мой, что я нашелъ.

Взглянулъ Такмакъ, вздрогнулъ, затряслись руки его, схватилъ онъ тотъ камень, спряталъ его на груди и зарычалъ, какъ звѣрь, добычу терзающ й.

Ужаснулся Кизямъ. Легче горной серны бѣжалъ онъ по долинѣ туда, гдѣ надъ свѣтлымъ потокомъ склонилась съ сосудомъ родившая его и, рыдая, сказалъ:

— Погибъ отецъ мой! Погибъ отецъ мой! Я нашелъ на рѣкѣ какой-то чудодѣйственный камень и принесъ отцу, — онъ схватилъ тотъ камень и зарычалъ и я испугался огня глазъ его.

— Тотъ камень блестѣлъ?—спросила старуха.

— Блестѣлъ.

— Онъ былъ тяжелъ?

— Да, мать моя.

— Ты нашелъ золото!..

— Золото! золото послалъ намъ добрый Агутагъ! — кричалъ старый Такмакъ, бѣжавшій, какъ юноша, — радуйся, старая, сынъ твой нашелъ счастье. Кизямъ, гдѣ ты нашелъ этотъ камень?

— Въ долинѣ, гдѣ текутъ воды.

— Много?

— Много.

— Скорѣе туда!

*
* *

Три дня собиралъ Такмакъ блестящіе камни и носилъ ихъ въ свою долину; три раза блѣдная луна, поднимаясь изъ-за горъ, видѣла, какъ онъ закапывалъ тѣ камни въ землю.

И было: ходилъ Кизямъ на охоту, старуха присматривала за огнемъ, но мраченъ, праздно бродитъ старый Такмакъ и свѣтлая радость не веселитъ его сердце. Взойдетъ онъ на черный утесъ, что нависъ надъ долиной и сидитъ тамъ печальный и смотритъ внизъ, туда, гдѣ зарыты блестящіе камни и вздыхаетъ старый Такмакъ.

— Почему радость покинула сердце отца моего?—спросилъ однажды Кизямъ.

— Я боюсь потерять наше счастье.

— Но я видѣлъ, что ты хорошо закопалъ эти блестящіе камни,—зачѣмъ же еще печаленъ отецъ мой?

И ничего не сказалъ старый Такмакъ и пошелъ на утесъ, думая въ сердцѣ своемъ:

— Мой сынъ подсматривалъ за мной, онъ задумалъ недоброе и хочетъ украсть у родившаго его. Придутъ изъ полдневныхъ странъ люди и онъ отдастъ имъ золото за украшенья и кремневыя стрѣлы. Горе мнѣ!

Долго думалъ Такмакъ, сидя подъ чернымъ утесомъ и проснулась злоба въ сердцѣ его и онъ проклялъ день, въ который родился сынъ его.

— Зачѣмъ тебѣ эти обломки скалъ?—спросилъ Кизямъ, увидавъ, что Такмакъ носитъ ихъ на гору и складываетъ у подножья чернаго утеса.

— Придутъ люди-враги,—чѣмъ мы будемъ защищать родившую тебя и жилище?—отвѣчалъ Такмакъ.

— Дай, я пособлю тебѣ.—сказалъ Кизямъ и стали оба носить камни и сложили великую груду, отъ дна долины и до подножья утеса.

— Посмотри, отецъ мой. какъ теперь страшно проходить здѣсь по долинѣ, — мнѣ кажется, что эти скалы падаютъ на меня.

И ничего Такмакъ не сказалъ, только въ глазахъ его блеснули какія - то страшныя искры.

* * *

Была ночь. По небу ходили зловѣщія черныя тучи. Тревожный вихрь, пробѣгая по долинамъ, шепнулъ что-то страшное осинамъ— и тѣ въ ужасѣ затрепетали. Гдѣ-то въ темной трущобѣ, словно ребенокъ больной, рыдала сова; охалъ и глухо стоналъ на трясинахъ пугачъ.

Старый Такмакъ сидитъ на горѣ подъ утесомъ и зорко смотритъ въ долину и страшно лицо его.

— Идетъ!.. идетъ!..—шепчетъ Такмакъ и трясутся руки его, цѣпляясь за холодныя глыбы камней.

Блѣдная луна выглянула изъ-за тучъ, — и видитъ Такмакъ: его сынъ, обремененный добычей, спѣшитъ домой и входитъ въ долину.

— Ага,—хрипитъ Такмакъ,—теперь ты не украдешь моего золота.

И громко захохоталъ Такмакъ и толкнулъ камень внизъ.

Зашатались скалы, загудѣли, загрохотали и рухнули въ долину.

— Агутагъ, Агутагъ!—тихимъ стономъ прозвучалъ голосъ Кизяма и мертвенно стихла долина.

И вдругъ гдѣ-то высоко, въ горныхъ вершинахъ зазвучалъ смутный гулъ. Растетъ, надвигается гулъ, медлительно катится съ горъ. Торопливо пронеслись зефиры, разбѣжались по долинамъ, разбудили дремлющій лѣсъ и онъ торжественно зарокоталъ:

— Идетъ Агутагъ повелитель!.. Идетъ Агутагъ повелитель!

И дрогнулъ Такмакъ, и крадется въ тѣнь и хочетъ укрыться.

И вотъ, какъ громъ горнаго обвала, зазвучалъ по долинамъ голосъ Агутага и говорилъ онъ:

— Ты забылъ, Такмакъ, что въ то время, когда вверху явилось голубое небо, а внизу черная земля, — на этой землѣ уже былъ законъ неба и этотъ законъ говорилъ: жизнь— высшее благо міровъ, а ты оцѣнилъ ее на золото, — будь же проклятъ отъ земли и неба, пролившій кровь человѣческую!.. Ты забылъ, что я отдалъ тебѣ всю страну мою, для тебя я украсилъ ее вѣчно-зеленымъ лѣсомъ и незамерзающими потоками, но сердце твое уподобилось камню и ты осквернилъ страну мою кровью,—будь же проклятъ и отъ меня, сыноубійца! И будешь ты отъ вѣка и до вѣка

сидѣть надъ могилой сына твоего, чтобъ вѣдали народы страшный грѣхъ твой и наказаніе твое!

И тихо-тихо стало въ долинѣ,—только въ трущобѣ рыдала сова, стоналъ на трясинахъ пугачъ,—но еще громче, еще больнѣе рыдала и стонала старая мать. Словно роса, пали на траву ея горькія слезы, съ травы скатились на землю, слились въ ручеекъ, и побѣжалъ ручеекъ по долинѣ къ могилѣ Кизяма и омылъ его тѣло.

Давно это было. Люди не помнятъ, когда это было, но и донынѣ свѣтлый, какъ слеза, ручеекъ бурлитъ межъ обломками скалъ на могилѣ Кизяма, донынѣ стоитъ по горамъ вѣчно-зеленый лѣсъ, донынѣ кипятъ незамерзающіе потоки и донынѣ сидитъ подъ утесомъ, надъ могилою сына окаменѣвшій старый Такмакъ,—чтобъ вѣдали люди про страшное дѣло, чтобъ помнили заповѣдь неба.

Восходитъ солнце и заходитъ — мелькаютъ дни.

Благоухаютъ весенніе цвѣты и отцвѣтаютъ и засыпаются снѣгомъ—проходятъ года.

Нарождаются племена и умираютъ народы—минуютъ вѣка.

А онъ, старый Такмакъ стоитъ недвижимо и не знаетъ: что̀—время?

1900 г.

Праведникъ и грѣшникъ.

Праведникъ и грѣшникъ.

Было время — и жилъ въ горахъ великій учитель мудрый Ти-го.

Изъ далекихъ краевъ пришелъ сюда Ти-го, изъ полдневной страны пришелъ онъ, гдѣ даны были людямъ великія книги откровеній, пришелъ и сталъ насаждать въ главахъ юныхъ небесную мудрость.

Люди приводили къ нему сыновъ своихъ и давали оленей и шкуры звѣрей и мясо, а Ти-го училъ юношей тому, что было написано въ его священныхъ книгахъ.

Однажды, вмѣстѣ съ длинною тѣнью заходящаго солнца, приступилъ къ порогу жилища Ти-го человѣкъ Кхи и сказалъ:

— Воззри, великій! Вотъ передъ тобою стоитъ рабъ твой негодный Кхи, и вотъ жена его Тьянь-му и сынъ единственный Ши-кинъ.

Да ниспошлетъ Великое Небо мирную радость на доброе сердце твое и свѣтлыя мысли главѣ твоей! Возьми себѣ, о мудрѣйшій изъ мудрыхъ, Ши-кина и научи его книгамъ, чтобы онъ зналъ все.

— Да будетъ такъ!—отвѣтилъ учитель,—пусть помогутъ мнѣ добрые духи!—И послалъ Ши-кина въ сарай, гдѣ учились юноши, а самъ приступилъ къ жертвеннику, ибо было время воскурить вечернюю жертву богамъ.

И поѣхалъ Кхи домой. Ѣдутъ, а Тьянь-му невесело думаетъ и болитъ сердце ея.

— Ой, Кхи, — говоритъ она,—зачѣмъ ты отдалъ Ши-Кина монаху... не хорошо тамъ!

А Кхи отвѣчалъ:

— Молчи, Тьянь-му, не оскверняй себя недостойной хулой на святаго.

*
* *

И сталъ учить мудрый Ти-го юношей великому ученію.

Онъ говорилъ, что въ мірѣ есть множество духовъ и что они боги и въ ихъ власти судьбы вселенной. Этимъ духамъ нужно молиться, много молиться, принося масло въ жертву, и тогда они будутъ милостивы къ людямъ и споспѣшествуютъ желаніямъ ихъ. Говорилъ еще Ти-го, что самые лучшіе люди на землѣ—это тѣ, съ устъ которыхъ не сходитъ молитва—и молился всегда мудрый Ти-го.

А Ши-кину не хорошо было и не открывалось сердце его истинамъ великаго ученія и бѣгали тучки въ головѣ его, когда поучалъ мудрый Ти-го.

Любо же было ему уходить въ темныя дебри лѣсовъ и взбираться на высокія горы. И видѣлъ онъ тамъ: вотъ, высоко поднявшись къ лазурному небу, растетъ могучая сосна и маленькая-маленькая былинка рядомъ, около сѣраго камня,—и думалъ Ши-кинъ:

— Почему они такъ растутъ, отчего?

Вотъ коза стрѣлою летитъ со скалы на скалу и орелъ виситъ подъ облакомъ и не зналъ Ши-Кинъ: зачѣмъ это такъ?

И видѣлъ еще онъ, какъ въ вершинахъ горъ въ бурную ночь запылалъ кедръ, попаленный небеснымъ огнемъ и какъ призрач-

ный мостъ засіялъ въ многоцвѣтныхъ огняхъ между тучъ.

И пришелъ Ши-кинъ къ мудрому Ти-го и спросилъ:

— Ты все знаешь, мудрый наставникъ,— скажи мнѣ, зачѣмъ все это, почему это такъ?

И гнѣвомъ великимъ разгнѣвался Ти-го, бросилъ въ юношу камнемъ и грозно сказалъ:

— Я училъ тебя молиться великимъ богамъ, а ты, недостойный, прельстился чарами демоновъ! Проклятье – удѣлъ испытующихъ небо, будь проклятъ и ты! Прокаженнымъ нѣтъ мѣста въ обители чистыхъ, ступай, уйди отсюда, отверженный небомъ!

Сказалъ и склонился предъ алтаремъ мудрый учитель въ скорбной молитвѣ о безднѣ грѣховной.

И въ страхѣ бѣжалъ Ши-Кинъ въ темныя дебри и бродилъ тамъ одинокій, роняя слезы на мягкій мохъ.

*
* *

Шумитъ и тихо рокочетъ грустно-задумчивый лѣсъ—и не зналъ Ши-Кинъ о чемъ онъ шумитъ.

Игриво прыгаетъ по камешкамъ хрустальный

ручеекъ и о чемъ то ласково лепечетъ—и не понялъ Ши-кинъ о чемъ говоритъ ручеекъ.

Радостной трелью звенитъ надъ поляной пѣсня маленькой, сѣренькой птички и манитъ куда то — и не видѣлъ Ши-кинъ куда ему нужно идти.

И спросилъ онъ:

— Зачѣмъ Кхи отдалъ меня учителю и за что мудрый Ти-го проклялъ меня?

И никто ничего не отвѣтилъ Ши-кину.

— Я не знаю, о чемъ ты говоришь, темный лѣсъ, и ты, свѣтлый ручеекъ, и ты, маленькая птичка — объ этомъ ничего не написано въ книгахъ.

Грустно покачалъ головой темный лѣсъ и гнѣвно зашикалъ; сердито буркнулъ что то и скрылся подъ камнемъ говорливый ручеекъ; печально примолкла на вѣткѣ звонкоголосая птичка.

Тогда досталъ Ши-кинъ изъ-за пояса ножъ и крѣпко вонзилъ его туда, гдѣ такъ больно ныло маленькое сердце — и не стало Ши-кина.

* * *

А юноши искали его, ибо всѣ любили

Ши-кина, и нашли около маленькаго ручейка, и склонились надъ нимъ и рыдая сказали:

— Зачѣмъ ты лежишь здѣсь на мягкомъ мху? Зачѣмъ твоя горячая кровь течетъ въ холодный ручеекъ, бѣдный Ши-кинъ?

Ты уже больше не будешь думать о насъ; твое маленькое сердце уже не будетъ такъ сильно любить насъ; твои руки не обнимутъ насъ, добрый Ши-кинъ!

Спи мирно. Къ тебѣ не придетъ мудрый Ти-го съ книгой поученій, не придетъ, а прилетятъ на зарѣ хоры птичекъ и нѣжной пѣсенкой будутъ баюкать тебя, славный Шикинъ!

Пошли юноши и, проливая слезы, повѣдали учителю горе свое.

И снова разгнѣвался Ти-го и велѣлъ бросить тѣло въ сорную яму, ибо отъ злого духа погибъ Ши-кинъ и былъ скверенъ.

— А вы,—сказалъ юношамъ Ти-го,—восхвалите добрыхъ боговъ, они являютъ вамъ новую милость, указуя судьбы нечестивыхъ.

И въ молитвѣ благодареній воздѣлъ руки къ небу мудрый учитель.

* * *

А Кхи давно умеръ и не знала Тьянь-му,

что спитъ въ землѣ, отверженный небомъ, грѣшникъ Ши-кинъ.

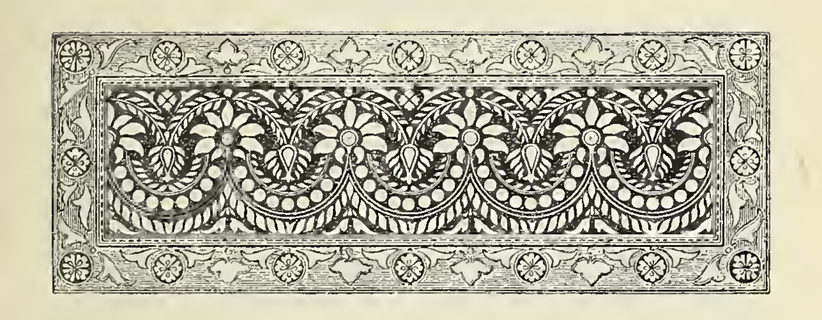
И травой заросла по веснѣ могила въ лѣсу на полянѣ и люди, въ трудахъ каждодневныхъ забыли Ши-кина, забылъ и великій учитель.

И было: люди приводили юношей къ мудрому Ти-го, а онъ училъ ихъ великому ученію и много молился, принося обильныя жертвы богамъ много молился Ти-го и былъ праведный.

1897 г.

Подземное царство.

Подземное царство.

Далеко-далеко отъ плоской земли мшистыхъ тундръ, на самомъ полднѣ есть страна.

Тамъ всюду мощно вздымаются къ синему небу горные кряжи и милліоны алмазовъ блистаютъ въ ихъ бѣлоснѣжныхъ коронахъ, а между ними глубокіе долы, гдѣ въ тѣснинахъ мечутся бурныя воды и зіяютъ и холодомъ вѣютъ нѣмыя ущелья—обитель злыхъ духовъ.

Изъ края въ край взнялись горы и нѣтъ имъ конца, какъ тѣмъ волнамъ, что въ бурный день пойдутъ гулять по лону океана.

Нѣтъ конца ни горамъ, ни волнамъ и только тундра поглощаетъ ихъ.

Чередой безконечной катятся волны сѣдыя по океану, приходятъ къ тундрѣ, хотятъ идти дальше—и не могутъ и умираютъ, взбѣгая на нее.

Одна за другою встаютъ величавыя синія горы и тучи не могутъ закрыть отъ нихъ неба, но вотъ пришли они къ тундрѣ и не вѣнчаютъ короны ихъ черныхъ вершинъ, и тучи высоко повисли надъ ними.

Все меньше и меньше перевалы и только маленькіе холмики забѣгаютъ въ тундру и теряются въ ней.

Издревлѣ такъ было и будетъ до вѣка, ибо въ центрѣ вселенной стоитъ великая тундра и кругомъ ея горы и волны.

А тамъ, въ горной странѣ есть край черныхъ утесовъ. То, какъ семья великановъ, собравшихся въ тихой бесѣдѣ къ костру, сойдутся они и станутъ въ тѣсный кружокъ, то, какъ кочующій родъ, длиннымъ караваномъ протянутся вдоль долины и только одинъ забрѣлъ въ мрачныя дебри хмурой тайги и угрюмо стоитъ одинокій.

И вѣчною стражей столпились въ под-

ножьи его мохомъ поросшія ели, залегли между ними колоды, сгрудились камни, терніи тѣсно сплѣлись и нѣтъ дороги къ утесу.

Подъ сводомъ задумчивыхъ елей, печалью объятыхъ, таятся недвижныя тѣни; беззвученъ сумракъ холодный и тихо сползаютъ янтарныя капли смолы по ржавой корѣ, да изсохшія хвои беззвучно спадаютъ и тонутъ во мху.

Но въ полночь, когда подъ чарами добрыхъ духовъ сна затихаетъ все живущее, вокругъ утеса, глухо замирая по дебрямъ, несутся смутные клики и, вторя имъ, эхо гудитъ по пещерамъ и стонетъ—то бодрствуетъ стража завѣтной могилы.

* * *

Давно это было. Много вѣковъ миновало съ тѣхъ поръ, какъ пеньцы получили однажды повелѣніе Великаго духа.

И сказалъ Великій духъ, устами шамановъ:

— Пусть оставятъ пеньцы страну свою, пусть идутъ на полночь и они избавятся отъ великой печали.

И исполнили волю Великаго духа пеньцы.

Шло время, и трижды въ бѣлыя ризы печали земля одѣвалась; трижды радостный шумъ ароматной листвы по лѣсамъ разносился,—съ листвою четвертой вступили неньцы въ страну голубыхъ горъ и черныхъ ущелій.

И видятъ, — вотъ живутъ люди сіирты, которые не видали человѣческой крови.

Бродятъ люди по горамъ и вмѣсто оленей пасутъ стада мамонтовъ.

И проснулась зависть въ сердцахъ пришельцевъ и сказали люди неньцы людямъ сіиртамъ:

— Насъ послалъ Великій духъ.

— Пусть будетъ славно во вѣки имя его, говорите.

— Великій духъ сказалъ, что вы не умѣете ѣздить на мамонтахъ и послалъ насъ, чтобы мы были вмѣсто васъ.

— Развѣ Великій духъ не видитъ, какъ мы ѣздимъ?

— Но неньцы поѣдутъ лучше васъ.

— Куда же дѣнутся сіирты?

— Пусть они идутъ на полночь, тамъ есть мамонты еще больше, каждый съ гору величиной и вы всѣ будете ѣздить на одномъ.

— Но въ той странѣ нѣтъ горъ.

— Теперь вы будете жить на равнинахъ.

— Нѣтъ, — сказали сіирты — эти горы, волей Великаго духа, были родиной нашихъ отцевъ, вотъ ихъ могилы — мы тоже умремъ здѣсь, а у васъ, видно, есть свой недобрый Великій духъ.

Вы, должно быть, приносите ваши жертвы начальнику нечистыхъ? Оттого и покинули родину вашихъ отцевъ.

И стиснула ярость сердце неньцовъ; мордамъ голодныхъ медвѣдей стали подобны ихъ лица; затрепетали ноздри, какъ одежды бѣгущаго противъ вѣтра; облились кровью глаза, а уста изрыгнули ругательства.

Ужаснулись сіирты и бѣжали, взывая къ милости Великаго духа, но не внялъ онъ.

Загудѣли упругія тетевы, прозвенѣли каленыя стрѣлы и земля голубыхъ горъ въ первый разъ обагрилась человѣческой кровью.

И вопль великій огласилъ страну, и пали сіирты на оскверненную землю и оросили ее слезами и цѣловали ее.

Удивились неньцы, видя невиданное. А сіирты поспѣшно собрали жилища, женъ и дѣ-

тей, сѣли на мамонтовъ и скрылись въ дебряхъ.

Два дня и двѣ ночи бѣжали неньцы по слѣдамъ, но догнать не могли.

Горы все круче и круче; лѣсъ все темнѣй и темнѣй. Цѣпкія вѣтки хватались за одежду и сбрасывали всадниковъ, а маленькіе олени неньцовъ задыхались и падали мертвыми.

Минулъ день третій, близилась ночь — и прибѣжали люди въ страну, гдѣ по вершинамъ горъ стоятъ великіе утесы. Мрачно нахмурились каменные великаны, а надъ ними нависло черное небо, и не горятъ по нему зори, — гроза собирается, ибо всегда бываетъ гроза, когда совершится недоброе дѣло.

И видятъ неньцы: направили путь свой сіирты къ утесу, что стоитъ одиноко среди дебрей и пошли неньцы къ тому утесу.

* * *

Тонули во мракѣ и дебри, и скалы, и небо. Тихо, только рокотъ глухой и далекій гудитъ по горамъ, словно изъ тьмы встаетъ, надвигается какое-то страшное чудовище, и все живущее чуетъ его и трепеща притаилось.

Чудовище грозно рычитъ, и рычанье на-

полняетъ тьму, и нѣтъ мѣста, куда бы укрыться, чтобъ не слышать его,—оно проходитъ бездны и сотрясаетъ землю...

И вдругъ безпредѣльной пучиной огня беззвучно разверзлось черное небо, и воспрянуло чудовище, и грохотъ рычаній его, потрясая горы, раскатился отъ края земли и до края...

Огненныя змѣи извиваясь носятся въ мракѣ; неумолчно грохочетъ ревъ невидимаго чудовища, а злые духи, думая, что это рушатся горы, въ ужасѣ выскочили изъ своихъ ущелій, завыли, застонали и бѣшено закружились надъ тайгой. Съ корнемъ рвутъ они столѣтнія сосны, чтобы убить ими невидимаго врага, но не находятъ его и визжатъ отъ страха и ярости и скрежещутъ зубами и свистятъ во тьмѣ ихъ крылья. Огненныя змѣи раздираютъ тьму, мигаютъ голубыя зарницы, и видно было: черная бездна зіяетъ въ подножьи утеса въ бездну падаютъ тѣни—то были сіирты.

* * *

Давно это было. Много вѣковъ миновало съ тѣхъ поръ, какъ и неньцы оставили страну голубыхъ горъ и ушли въ тундру, а сіирты и понынѣ живутъ въ подземельяхъ.

И не проходитъ свѣтъ солнца въ ихъ печальное царство, и звуки жизни не нарушаютъ его нѣмой тишины, только капли водъ порою падаютъ со сводовъ и звенятъ, разбиваясь о камни. А сiирты, то тоскливо бродятъ по мертвымъ и нѣмымъ равнинамъ подземелья, то соберутся вкругъ огня, синяго, холоднаго огня гнилушекъ и молчатъ.

Угрюмая печать временъ легла на ихъ чело. Въ очахъ застылъ, зiяя, унылый мракъ пещеръ и, точно мохъ сѣдой на вѣтвяхъ старой ели, хмуро нависли надъ очами брови.

Невѣдома сiиртамъ смерть, но время властно и надъ ними: позеленѣли, заплѣсневѣли ихъ тѣла и уже стали разрушаться, но неугасимо тлѣетъ въ каждомъ сердцѣ искра, и терпѣливо ждутъ они поры желанной—возвращенья въ страну отцевъ.

И ждутъ они поры, когда живущiе слезами радости омоютъ кровь съ земли.

Давно сiирты ждутъ, но никто изъ живущихъ не знаетъ, когда они дождутся.

1898 г.

Глупый Фу-дзинъ.

Глупый Фу-дзинъ.

Было когда-то и правилъ Небесной страною великій и грозный Ши-Хоангъ-Ти.

Крѣпкой рукою правилъ владыко и далеко раздвинулись грани Небесной страны и смирились враги ея.

Князей побѣдилъ Ши-Хоангъ-Ти и надъ царями воцарился и сложили жрецы въ честь его гимны, воспѣли поэты славу его, а народы покорно простерлись у трона.

И не любилъ Ши-Хоангъ-Ти старыя книги, гдѣ начертали мудрецы и пророки великія

истины; онъ не любилъ ихъ, ибо мудрецы забыли написать тамъ, что міромъ долженъ править Ши-Хоангъ-Ти.

И запретилъ Ши-Хоангъ-Ти читать старыя книги и повелѣлъ предать ихъ огню, а читать приказалъ только И-Кингъ, книгу чудесныхъ происхожденій.

И читали добрые люди И-Кингъ, а непослушныхъ слуги Великаго вразумляли въ застѣнкахъ, непокорныхъ съ позоромъ изгнали, лишивъ ихъ великаго счастья именоваться сынами благословенной Небесной страны.

И миръ воцарился въ Небесной странѣ и великій покой.

Лазурное небо улыбкой дитяти сіяло надъ міромъ. Игривыя волны рѣзвились на отмеляхъ длинныхъ и радостно вѣтеръ носился надъ моремъ, а птички веселою пѣснью о счастьи, какъ колокольчики пагодъ, звенѣли по рощамъ.

И былъ доволенъ Ши-Хоангъ-Ти и всѣмъ повелѣлъ наслаждаться щедротами добраго Неба.

*
* *

И жилъ на великой рѣкѣ въ это время рыбакъ.

Многіе годы ношей тяжелой лежали на плечахъ его. Долго жилъ старый, плавалъ далеко и видѣлъ много людей.

Глупымъ Фу-дзиномъ люди его называли.

И думалъ Фу-дзинъ:

— Почему свѣтлая радость покинула міръ?

И никто никогда не отвѣтилъ ему, почему это такъ.

Много разъ вопрошалъ старый Фу-дзинъ добрыхъ духовъ, возлагая на жертвенники вкусныя рыбьи головки и рисъ, но духи хранили безмолвіе и ничего не сказали ему.

Уплылъ въ одно время Фу-дзинъ на далекое взморье, уплылъ и, день завершивши, варилъ тамъ похлебку.

Давно уже сварилась похлебка, а старый рыбакъ сидитъ на пескѣ въ раздумьи глубокомъ.

Костеръ догорѣлъ и тонкою струйкой дымитъ, погасая. Блѣднымъ пурпуромъ таетъ зоря. Сѣдые туманы и сизыя тѣни встаютъ изъ за моря и рокотливыя волны сонно смолкаютъ, а мысли Фу-дзина все еще рѣютъ, какъ стадо встревоженныхъ птицъ по лазурному небу.

И сказалъ себѣ старый:

— Дай я поѣду туда, гдѣ стоятъ палаты великаго Ши-Хоангъ-Ти, поклонюсь повелителю и спрошу его: зачѣмъ люди страдаютъ, когда вселенная такъ прекрасна? А ему скажетъ объ этомъ Небо, утвердившее богдыхана на землѣ.

Сказалъ и поднялъ камышевый парусъ Фу-дзинъ и берегъ остался пустыннымъ.

Долго плылъ старый и видѣлъ онъ много людей въ гòрѣ живущихъ. Одни умирали въ болѣзняхъ, ибо сорныя травы вмѣсто рису вкушали, другихъ Небесная кàра постигла и страшные моры обильную жатву межъ ними косили, а слѣдомъ шли мандарины и, пыткой стращая, сбирали священныя дани.

Вопли и стоны и сушу, и рѣки, и море Небесной страны оглашали. Люди, въ мукахъ лишившись разсудка, говорили дерзкія рѣчи,— ихъ палкой бамбуковой били, они же безумные доброму Небу хулы изрыгали и умирали съ проклятьемъ въ устахъ.

Ужаснулся Фу-дзинъ и въ путь поспѣшилъ, торопясь увидать Ши-Хоантъ-Ти, повѣдать о горѣ великомъ.

Плыветъ старый и видитъ: вотъ городъ великій простерся отъ тихой рѣки и до даль-

нихъ холмовъ, пáгоды стройныя высятся гордо и какой-то великій дворецъ.

— Здѣсь Ши-Хоангъ-Ти, должно быть, живетъ,—старый подумалъ и въ городъ вступить поспѣшилъ, но только что лодка о берегъ песчаный задѣла, какъ подбѣжали два мандарина, схватили Фу-дзина и деньги просили въ казну богдыхана за то, что онъ лодку направилъ на берегъ.

Отдалъ монету Фу-дзинъ и въ городъ вошелъ, думая:

— Зачѣмъ богдыхану монета? Видно Ши-Хоангъ-Ти тоже плохо живетъ, когда съ нищихъ сбираетъ.

Пришелъ Фу-дзинъ ко двору и видитъ: два мандарина стоятъ у дверей, имѣя при бедрахъ большіе ножи и грозно вращаютъ очами. А люди мимо не ходятъ, птицы только летаютъ трупы клевать, что въ петляхъ качаются передъ дворцомъ, да тощіе псы завываютъ и злобно дерутся въ подножіи висѣлицъ страшныхъ.

Дрогнуло сердце Фу-дзина и долго стоялъ онъ, не смѣя вопросомъ нарушать покой мандариновъ и думалъ:

— Видно и вправду и Ши-Хоангъ-Ти нынѣ плохо живется, коли ему предъ дворцемъ по-

вѣсили мерзкіе трупы и стражу поставили въ двери. Бѣдный Ши-Хоангъ-Ти!

Подумалъ такъ старый и смѣло пошелъ ко дворцу, къ небу персты обративши.

— Слушайте, Небо да вспомнитъ о васъ, высокопочтеннѣйшіе мандарины, вотъ пришелъ старый Фу-дзинъ, чтобы добраго Ши-Хоангъ-Ти повидать, скажите о томъ богдыхану.

— Въ этомъ дворцѣ обитаетъ намѣстникъ славный Ванъ-Синь-Дзинь-Фу, который не любитъ бродягъ. Проходи.

— А гдѣ-же дворецъ богдыхана?

— Два дня пути по рѣкѣ. Проходи, пока не увидѣлъ намѣстникъ.

— А это что-же, должно быть, грабителей трупы висятъ?

— Нѣтъ. Не знаешь ты что-ли, старый болтунъ, что грабителей въ тюрьмы сажаютъ. Это безумныхъ крамольниковъ должная кара постигла. Глупыя рѣчи о жизни новой какой-то они говорили, читали безбожныя книги, собравшись въ полуночномъ мракѣ и дерзость имѣли сказать, что съ богдыханомъ великимъ, да продлятъ Небеса его славные годы, будто неправда въ странѣ воцарилась и всякія бѣды. Безумные люди, конечно.

— Что-же, — въ раздумьи Фу-дзинъ отвѣчалъ, — развѣ не правда, что радость покинула міръ?..

И не кончилъ.

Гибкія трости бамбука взвились и со свистомъ упали на неразумную старую голову...

* * *

И снова плылъ старый и думалъ:

— Горе намъ, горе! Небо отъ насъ отвратилось, радость и счастье покинули нашу страну. Правое слово нельзя произнесть, смерть обрѣтаютъ искавшіе правды у мудрыхъ въ ихъ книгахъ, а мандарины именемъ славнымъ владыки творятъ преступленья. О, великій и добрый Ши-Хоангъ-Ти, ты—единый нашъ избавитель, воззри!..

И видитъ Фу-дзинъ, люди бѣгутъ старый и малый, словно гора сзади на нихъ обвалилась. Кто въ камыши укрывается, въ горы другіе бѣгутъ.

Удивился Фу-дзинъ.

— Видно несчастье большое случилось. Слушайте, добрые люди, отъ кого и зачѣмъ вы бѣжите?

— Укрывайся скорѣе, глупый старикъ,—

люди ему отвѣчали,—ѣдетъ сюда богдыханъ, да продлятъ Небеса его славные годы!

— Чтожъ это,—думалъ Фу-дзинъ,—люди, должны быть, лишились разсудка? Гдѣ-бы остаться и ждать богдыхана, чтобы о горѣ повѣдать, а люди бѣгутъ, какъ обезьяны, укравши кокосы, — и старый вышелъ на берегъ, чтобъ лицезрѣть богдыхана.

И вотъ много людей, потрясая бамбуками, грозно подходятъ и велятъ ему въ лодку садиться и плыть.

— Нѣтъ,—молвилъ Фу-дзинъ,—я хочу лицезрѣть богдыхана, чтобъ разсказать о несчастьи, людей посѣтившемъ.

А люди смѣются.

— Въ головѣ у тебя, вмѣсто мыслей, рисъ, должно быть, родился?

— Нѣтъ, почтенные, здравымъ умомъ захотѣлъ я видать богдыхана — это вы вѣрно выпили лишняго рисовой водки...

И схватили Фу-дзина и палками били по пяткамъ и говорили:

— Развѣ не знаешь ты, старый дуракъ, что всякому смерду нельзя лицезрѣть богдыхана, да продлятъ Небеса его годы! Это у блѣднолицыхъ мерзкій обычай такой суще-

ствуетъ, что идетъ говорить къ богдыхану всякъ, кто желаетъ, но потому тамъ народъ нечестивый, оттого непорядковъ тамъ много. У насъ же порядокъ и миръ благочестный, ниспосланный свыше во славу и честь богдыхана, на радость народу.

* * *

Былъ вечеръ. Тихою гладью рѣки лодка Фу-дзина скользила на взморье, а тамъ черныя тучи, какъ лапы чудовищъ, по небу простерлись, носится огненный драконъ межъ ними и мечетъ перунами въ море, хмуро-застывшее, вѣще-замолкшее море.

— Небо великія бѣды землѣ возвѣщаетъ,— старый сказалъ,—пусть, пусть погибаетъ нечестье! Зло воцарилось въ Небесной странѣ, люди страдаютъ и плачутъ, но въ плачѣ имъ нѣтъ утѣшенья... Горе странѣ той, гдѣ люди не ищутъ кончины страданій!..

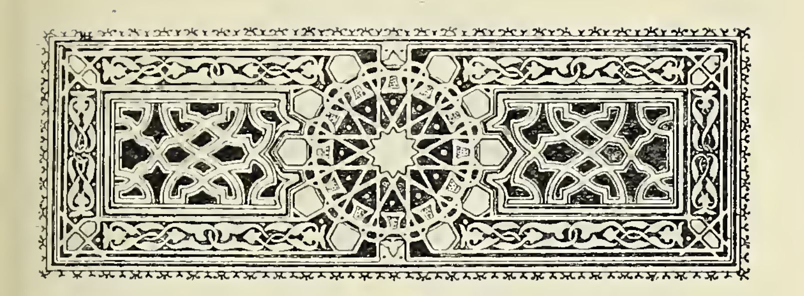
И поплылъ старый Фу-дзинъ искать тотъ островъ далекій, гдѣ люди страданій не видятъ, гдѣ правда и миръ воцарились.

Черною точкой мелькнула лодка и скрылась въ дали безграничной великаго моря.

1896 г.

Могила Сартактая.

Могила Сартактая.

Великій духъ внемлетъ міру—и ненарушимая тишина воцарилась въ горнемъ жилищѣ.

Онъ поникъ величавымъ челомъ и взираетъ въ безграничную бездну вселенной, а милліоны міровъ, свершая свой путь безначальный, безконечною чередою поднимаются къ подножію хрустальнаго трона, озаряются яркимъ свѣтомъ очей повелителя и снова уходятъ въ бездну.

И смотритъ владыка, а міры одинъ другого прекраснѣе, блистающіе, какъ ожерелье

драгоцѣнныхъ камней, благоухающіе, какъ весенніе цвѣты, предстаютъ предъ очи творца, и кроткій ликъ его сіяетъ благоволеніемъ. И сонмы лучезарныхъ духовъ, окружающихъ престолъ, раздѣляя радость владыки, шлютъ благословеніе мірамъ.

Это—день предстательства, этотъ день—начало весны.

Взираетъ владыка, предстаютъ и преходятъ міры.

И вдругъ изъ глубины бездны донеслись до высоты престола стоны, плачъ и грохотъ желѣза, благоухающіе чертоги творца наполнились смрадомъ крови и дымомъ пожаровъ.

— Это—земля,—грустно сказалъ Великій духъ, и чело его подернулось облакомъ печали.

— Это — земля,—повторили пресвѣтлые духи, и померкъ свѣтъ очей ихъ.

И вотъ стеная, оглушая грохотомъ оружія и обдавая смрадомъ, приблизилась къ престолу черная земля.

И содрогнулся творецъ.

— Я создалъ ее,—сказалъ онъ,—такою же прекрасною, какъ и другіе міры, я далъ ей въ удѣлъ радость и счастье, а она!..

Великій духъ съ грустью воззрилъ на черную землю.

— Зачѣмъ ей жить,—говорилъ онъ,— юдоль печалей и горестей—не лучше ли низринуть ее въ бездну небытія?

И приблизился къ престолу одинъ изъ свѣтлыхъ духовъ и сказалъ:

— Великій отецъ, пощади ее!

— Ты третій разъ просишь за нее, Сартакта́й, но посмотри: развѣ она стала лучше? Созданная для радостей и счастья, она пылаетъ пожарами, заливается кровью и слезами, полна стенаній, на ней воцарилось зло.

— Даруй ей милость твою,—просилъ духъ Сартакта́й.

— Я далъ ей всѣ блага міровъ.

— Но люди еще не усвоили волю твою, благослови ихъ еще на одинъ годъ.

— Они служатъ злу и творятъ преступленья—какъ же я благословлю ихъ?

— Ихъ ослѣпилъ духъ злобы, владыко, и люди утратили путь къ добру,—даруй имъ жизнь и они найдутъ его.

И молчалъ Великій духъ, погрузившись въ раздумье, долго молчалъ и сказалъ:

— Пусть будетъ по слову твоему, пусть она живетъ еще три года.

— Хвала милосердію твоему, великій отецъ, — отвѣчалъ Сартактай, преклоняя колѣни.

— Иди!—сказалъ повелитель землѣ,—и чадя и стеная, она погрузилась въ пространство.

*
* *

Былъ день—и явилась къ чертогамъ Великаго духа, бряцая костями, злая старуха—смерть.

— Я пришла съ черной земли услышать веленья владыки.

И предсталъ Сартактай предъ очами владыки и вопросилъ.

— Пусть она въ этотъ годъ умерщвляетъ младенцевъ,—повелѣлъ Великій духъ.

Жаль стало Сартактаю невинныхъ младенцевъ.

— Развѣ мало пролито и льется понынѣ слезъ материнскихъ?

И сказалъ Сартактай смерти:

— Великій духъ велѣлъ тебѣ въ этотъ годъ истреблять молодые побѣги елокъ.

Ничего не сказала старуха и ушла.

Минулъ годъ и снова пришла смерть узнать волю владыки.

— Пусть теперь она умерщвляетъ юношей,—сказалъ Великій духъ.

Жаль Сартактáю и юношей.

— Умрутъ юноши, кто будетъ веселить старцевъ?—думалъ онъ и сказалъ смерти:

— Великій духъ велѣлъ тебѣ глодать кору двадцатилѣтнихъ сосенъ.

— Чѣмъ я провинилась передъ владыкой?—сказала старуха и нехотя удалилась.

И въ третій разъ явилась смерть въ чертоги Великаго духа.

— Пусть теперь умираютъ старцы,—приказалъ владыка.

И старцевъ жаль доброму Сартактаю.

— Всю жизнь старики трудились, мучились, радостей не знали,—почему же имъ на склонѣ лѣтъ не увидѣть счастье дѣтей своихъ?—думалъ онъ и рѣшилъ обмануть смерть еще разъ.

— Владыка велѣлъ тебѣ изгрызть всѣ старые пни по тайгѣ.

— Ой горе мнѣ!—завопила смерть,—отъ еловыхъ побѣговъ во рту на десять лѣтъ нагорчило, объ сосновую кору всѣ зубы истерла чѣмъ буду пни грызть?

Заплакала старуха и пошла сама къ повелителю.

* *
*

Были люди, въ ихъ сердца не лежало дороги страхамъ; были люди безбоязненно горе встрѣчавшіе; были люди, что съ пѣсней шли на смерть — но гдѣ тотъ, кто не трепещетъ гнѣва Великаго Духа?

Нѣтъ въ мірѣ такого человѣка, нѣтъ такого и духа.

И былъ гнѣвенъ повелитель.

Лучезарные духи, трепеща, поникли главами, и только одинъ Сартактай безстрашно смотрѣлъ въ очи владыки.

— Безумный, ты не исполнилъ воли Великаго духа? Ты хитростію отвратилъ велѣнія судьбы?

И палъ на колѣни Сартактай и, разрывая одежды, воскликнулъ:

— Прости, великій, прости ничтожному, но сердце мое, тобою созданное, не могло безучастно зрѣть неисходное горе людей черной земли. Они страждутъ, владыко, и нѣтъ конца ихъ страданьямъ. Злой духъ Эрле́нъ воцарился на землѣ, и его слуги гасятъ послѣднія искорки свѣта, воли твоей. На землѣ царитъ тьма и люди... развѣ они виноваты,

что не видятъ въ той тьмѣ, куда лежитъ путь ихъ? Ихъ умъ помрачился, владыка, предъ бездною золъ, горя, страданій. Ихъ чаша горька,—прости же, великій отецъ, что содрогнулась рука моя, вливая въ ту чашу новую горечь!

И слушалъ Великій Духъ, и кроткая улыбка, подобно зарѣ весенняго утра, засіяла на лицѣ его, и померкли молніи гнѣва въ очахъ его.

— Развѣ помощь сердца твоего спасетъ ихъ?

— Въ томъ—моя вѣра, великій отецъ!—сказалъ Сартактай,—и да будетъ милостивъ судъ твой!

— Ты согрѣшилъ предо мной,—и, какъ рокотъ листвы молодой, — звучалъ голосъ Великаго Духа, — ты не можешь оставаться предъ лицемъ моимъ и навсегда оставишь горнее жилище, но у тебя доброе сердце и я не проклинаю тебя. Нѣтъ! Ступай себѣ съ миромъ и пребывай до вѣка на черной землѣ. Отнынѣ ты будешь носить образъ человѣка, но я оставлю тебѣ силу лучезарнаго духа и смерть никогда не коснется тебя.

Иди, куда зоветъ тебя твое сердце; исполни волю его, но помни и бойся подземнаго царства злыхъ духовъ.

II

Есть страна, гдѣ межь высокихъ горъ, увѣнчанныхъ снѣгами, залегли темныя ущелья и зеленыя долины. Въ странѣ той начало всѣхъ рѣкъ, текущихъ на востокъ, полночь и западъ; отсюда по всему міру разбѣгаются вѣтры; отсюда приходятъ весенніе бурныя грозы; отсюда давно когда-то пришли и всѣ живущіе на полночь отъ пустыни, — здѣсь центръ земли.

Было утро въ странѣ той.

Сѣдые туманы еще неподвижно лежали въ долинахъ, таились въ ущельяхъ, когда первый лучъ вѣчнаго солнца розовой тѣнью скользнулъ въ ледниковой, подоблачной выси, золотымъ ожерельемъ одѣлъ вершины лѣсистыхъ горъ, въ огняхъ засіяла скала, а на вершинѣ ея стоитъ молодой богатырь Сартактай. Опираясь на знамя, онъ простеръ надъ долиной свой огненно-блещущій мечъ и воскликнулъ:

— Сюда! Ко мнѣ, быстрокрылые вѣтры! Я—богатырь Сартактай, пришедшій разрушить черное царство злыхъ духовъ. Вотъ

мое знамя — развѣйте его; шире развѣйте — пусть видятъ всѣ люди!

Стоголосымъ эхомъ раскатился богатырскій кличъ по ущельямъ, а въ отвѣтъ ему восторженнымъ гуломъ откликнулись въ горныхъ вершинахъ лѣса; зашелестила, зашепталась и радостно прослезилась трава по долинамъ; гимномъ славы зазвенѣлъ надъ полями птичій концертъ. Встрепенулись утренніе вѣтры, всколыхнули они и широко развернули богатырское знамя, подхватили славный кличъ и разнесли его по всѣмъ странамъ земли. И, какъ гордый орелъ, вознеслось надъ долиной голубое знамя, знамя надежды, а двѣ желтыя ленты, двѣ желтыя ленты мести, онѣ трепеща извились, словно змѣи, завидѣвъ врага.

И вотъ дрогнулъ на днѣ долины туманъ, шевельнулся, заходилъ клубами и поползъ къ ногамъ Сартактая. Ползетъ, клубится и вдругъ изъ нѣдръ его вышелъ безобразный Эрленъ, смердящій духъ зла.

— Зачѣмъ ты пришелъ сюда, Сартактай?

— Я сказалъ.

— Слышалъ, ты очень громко кричалъ, а глупые вѣтры затрубятъ теперь еще громче, но то для людей, а я...

— Ты тоже слышалъ.

— Сартактай! Ты хочешь бороться со мной?!

— Я пришелъ.

— Бороться здѣсь на землѣ?

— Ты видишь.

— Но земля принадлежитъ мнѣ.

— Уже не надолго.

— Сартактай, ты хочешь итти къ людямъ?

— Да.

— Но они не примутъ тебя, ты чуждъ имъ, слуга великаго духа, они поклоняются мнѣ.

— Это неправда.

— Ты самъ видѣлъ землю въ день представительства; ты видѣлъ—чего же ты хочешь?

— Изгнать отсюда тебя, источникъ страданій!

— И людей, моихъ слугъ?

— Они дѣти великаго духа.

— Были!

— И будутъ!

— Нѣтъ, Сартактай, не будутъ! И ты напрасно поднялъ свое знамя, — я на землѣ всемогущъ.

— Это думаешь одинъ только ты.

— Ты будешь бороться только со мною?— спросилъ лукавый Эрленъ.

— И со всѣмъ твоимъ царствомъ.

— А люди?

— Погибнешь ты, ихъ мучитель, и они соберутся подъ мое знамя....

— О, тогда ты не страшенъ намъ, гонитель зла! — воскликнулъ смердящій духъ и исчезъ.

И опять заклубились туманы, зашевелились и поползли изъ ущелій въ долины, изъ долинъ на великія рѣки.

— Не страшенъ,—глухо звучало изъ нѣдръ ихъ.

— Не страшенъ гонитель зла!

— Не страшенъ... пока не пришелъ насадитель добра, — чуть слышно донеслось издалека.

Но не слыхалъ ничего Сартактай. Онъ запѣлъ громкую пѣснь о побѣдѣ и сталъ спускаться въ долину, гдѣ живутъ люди.

*
* *

Ѣдетъ богатырь Сартактай по странамъ земли и трепещутъ и въ страхѣ бѣгутъ предъ нимъ слуги Эрлена.

Ѣдетъ богатырь Сартактай по странамъ земли и вотъ прибылъ къ селенію, гдѣ слышался плачъ и громкіе стоны.

Здѣсь Черная смерть сбирала обильную жатву.

— Уходи отсюда, богатырь, уходи—здѣсь гоститъ Черная смерть!

И вотъ сама она вышла изъ юрты.

— Ага! Заѣзжій молодчикъ,—прошамкала старуха, и блеснулъ огонекъ въ ея гнойныхъ глазахъ, и по черному лицу, разбередивъ струпья, расползлась улыбка ликованья.

— Добрый молодчикъ, пригожій—бормочетъ старуха и пригибается къ землѣ, чтобъ вскочить на коня.

Привсталъ въ стременахъ Сартактай, взвился арканъ, и старуха, въ петлѣ хрипя, повалилась на землю.

— Это ты, Сартактай.... пришелъ,—хрипитъ Черная смерть, и извилось ея гнойное тѣло корчами ужаса.

Гикнулъ богатырь, рванулъ со всѣхъ ногъ добрый конь и стрѣлой полетѣлъ, волоча на арканѣ Черную смерть, только пыль поднялась по надъ-полемъ и долго висѣла вдали, словно сѣрая тучка.

*
* *

Ѣдетъ богатырь Сартактай по странамъ земли и прибылъ въ страну, гдѣ сѣдой царь холоднаго Полночнаго царства правилъ побѣдную тризну врагу—свѣтлому лѣту и, разгнѣванный долгой борьбой, все живущее похоронилъ подъ снѣгами.

И всплакались люди.

Слуги злого царя—морозы заковали льдами всѣ рѣки и негдѣ бѣднякамъ ловить рыбу, а лихіе бураны замели снѣгами дороги, засыпали юрты, разогнали и птицу и звѣря...

И всплакались люди.

Кликнулъ кличъ Сартактай, вызывая сѣдого царя.

Усмѣхнулся старикъ и послалъ своихъ слугъ.

Затрещали морозы, завыли, взметая сугробы, бураны, взвились подъ самыя тучи метели.

Но не дрогнулъ богатырь Сартактай.

И разгнѣвался царь.

Легче вѣтра несется по снѣжному полю тройка бѣлыхъ медвѣдей, а въ саняхъ стоитъ царь и гремитъ!

— Берегись!

Легче вѣтра несется по снѣжному полю

тройка бѣлыхъ медвѣдей съ пустыми санями, а вдали Сартактай волочитъ по сугробамъ сѣдого царя.

*
* *

Ѣдетъ богатырь Сартактай и прибылъ въ страну, гдѣ вмѣсто селеній дымились груды черныхъ развалинъ, нивы пустыя усѣяны трупами были, кровью смердили поля....

И поникъ головой Сартактай.

— Неразумные, темные люди! — шепчетъ онъ, — вы уже сами приносите жертвы Эрлену.

И смутная темная тучка легла на чело Сартактая.

— Да, ты силенъ на землѣ, черный духъ! Ты силенъ, но уже скоро....

И видитъ богатырь: на встрѣчу ему бѣгутъ люди, бряцая оружіемъ.

— Къ намъ, славный богатырь! Наше племя не знаетъ страха, наши воины не возвращаются побѣжденными, мы имѣемъ сердца волковъ и тигровъ.... Къ намъ, Сартактай, и пусть земля нашихъ враговъ станетъ красной, напившись ихъ кровью!

— А кто ваши враги?

— Люди сосѣдняго Бѣлаго царства.

И сказалъ Сартактай:

— Слѣпцы неразумные! Вы забыли, что всѣ вы дѣти Великаго духа. Или вы слуги Эрлена?

И ничего не сказали люди.

— Или дѣти вашихъ убитыхъ враговъ не плачутъ? Можетъ быть, ваши семьи радуются, когда вы бросаете работу и идете, чтобъ быть убитыми? Или земля лучше родитъ, обагренная кровью? Или вамъ тѣсно на ней?

И молчали люди.

III.

И пронеслась въ народахъ слава о новомъ богатырѣ, который пришелъ побѣдить Эрлена. И старый и малый, богатый и бѣдный говорили о немъ, а онъ ѣдетъ изъ страны въ страну, отъ народа къ народу, и побѣды вѣнчаютъ тотъ путь, и радуются ему люди и благословляютъ его.

Онъ прекращаетъ войны, онъ побѣдилъ Черную смерть, онъ изгналъ ненавистнаго царя Полночнаго царства и скоро разрушитъ

все царство Эрлена и избавитъ людей отъ золъ и печалей.

Жены и матери воиновъ усыпали путь богатыря цвѣтами, когда онъ прибывалъ въ страну ихъ.

— Слава Сартактáю! — пѣли неимущіе, которыхъ не мучили больше холодъ и холодъ.

— Хвала тебѣ Сартактáй-избавитель! — звучало отъ края до края.

И тревога ужалила сердце Эрлена.

Въ трущобахъ ущелья въ черную ночь онъ созвалъ своихъ слугъ, и всю ночь подъ вой бури и грохотъ громовъ совѣщались они, а на утро выползли изъ ущелій сырые туманы и окутали землю—и пришли къ людямъ слуги Эрлена.

— Ненавистный Сартактáй прекратилъ войны,—сказали они царямъ и воинамъ,—гдѣ вы теперь отличитесь храбростью? Откуда возмется богатая добыча?

— Сартактáй принесъ вамъ погибель,—сказали они богачамъ,—онъ изгналъ царя Полночнаго царства и бѣдняки не пойдутъ теперь работать на васъ. Ваши поля останутся невоздѣланными, ваши безпризорныя стада разбѣгутся.

— Сартактáй — врагъ вашъ, — шептали они бѣднякамъ,—онъ изгналъ съ земли смерть, и теперь ваши семьи будутъ только увеличиваться—чѣмъ-же вы будете кормить лишнихъ?

И возроптали люди.

— Сартактáй хочетъ одинъ имѣть славу побѣдителя,—говорили воины.

— Онъ погубитъ міръ, — кричали богачи.

— Онъ—хорошій богатырь, но не вѣдаетъ, что творитъ,—сказали бѣдняки.

И было — и люди рѣшили убить Сартактая.

— Онъ волей Великаго духа безсмертенъ,—сказали слуги Эрлена.

И сожгли люди обильныя жертвы, взывая къ Великому духу:

— Возьми, Благій повелитель, себѣ Сартактáя, онъ хорошій богатырь и достоинъ чертоговъ твоихъ.

Но не внялъ ихъ молитвамъ Владыко міровъ—и люди вернулись къ Эрлену.

— Я безсиленъ надъ нимъ на землѣ,—отвѣтилъ начальникъ лукавыхъ,—но если онъ сойдетъ въ мои подземелья, то больше не выйдетъ оттуда.

*
* *

И было—подобно остаткамъ разбитой дружины люди бѣгутъ къ Сартактáю, упали предъ нимъ на колѣни, рыдаютъ и говорятъ:

— О, славный Сартактáй, заступись! Ужасное чудовище каждый день похищаетъ у насъ человѣка и пожираетъ его. Заступись, добрый богатырь!

— Гдѣ то чудовище?

— Вонъ тамъ, въ горахъ. Пойдемъ, мы покажемъ тебѣ его логовище.

И поспѣшилъ Сартактай за людьми.

Мракомъ могильнымъ зіяетъ пещера, въ подножьи горы, среди скалъ и трава вкругъ нея не растетъ, и лѣсъ боязливо ея сторонится.

Вынулъ мечъ Сартактай и началъ спускаться, спускается, скрылся....

И дрогнули горы, заколебалась земля, и камни съ хребтовъ покатились въ долины — то былъ кличъ торжества царства злыхъ духовъ. Неисчислимые мчались они отовсюду, со всѣхъ концовъ земли, и отъ тѣней крылъ ихъ померкло солнце.

И схватили они камни, что упали въ долину, и завалили пещеру.

Какъ туча комаровъ надъ изнемогшимъ оленемъ, цѣлый день кружились черные духи надъ богатырской могилой и воздвигли надъ нею огромную гору—курганъ.

Стоитъ тотъ курганъ и понынѣ на память живущимъ, и донынѣ на самой вершинѣ его всякій увидитъ глубокія трещины-ямы,—то Сартактай пытался освободиться отъ вѣчной неволи, хотѣлъ опрокинуть гору и не могъ.

*
* *

Но Великій духъ все еще милостивъ къ людямъ, и его волей бываетъ и понынѣ одна ночь въ году, когда Сартактай выходитъ изъ подъземелья и цѣлую ночь сидитъ на вершинѣ могилы и ждетъ, не придетъ ли туда человѣкъ.

Онъ знаетъ теперь, какъ спасти міръ отъ золъ и страданій и хочетъ повѣдать объ этомъ и людямъ, но владыки земли—злые духи берегутъ эту тайну и въ ночь ту сбираются всѣ къ высокой могилѣ.

И то бываетъ страшная ночь.

Еще съ вечера лохматыя, черныя тучи вползаютъ на небо и гасятъ звѣзды, изъ-за горъ поднимается ночь призрачно—смутная и

очами незрячими смотритъ туда, гдѣ догараютъ кровавыя зори и ждетъ...

...Тьма. Земля сотрясается громомъ, тучи брызжутъ огнями, столѣтнія сосны загораютъ отъ нихъ и погребальными факелами пылаютъ въ горныхъ вершинахъ, кто то рыдаетъ и стонетъ и воетъ во тьмѣ—и донынѣ не нашлось человѣка, который бы въ ночь ту пошелъ къ заповѣдной могилѣ.

1900 г.

Жертва Басайны.

Жертва Басайны.

Джамиль—сынъ повелителя народовъ, любимый всѣми юноша и поэтъ... Но зачѣмъ говорить объ этомъ, когда на много сотенъ верстъ кругомъ его имя произносится каждый день, а его стихами вся страна привѣтствуетъ утреннюю зарю и ими же прощается съ зарей вечерней.

Джамиль — драгоцѣннѣйшій даръ небесъ престарѣлому отцу; его умомъ поражаются старцы; о его добромъ сердцѣ идетъ въ народѣ стоустая молва; онъ — желанный всѣми наслѣдникъ своему отцу-правителю.

Но еще дѣдамъ нашимъ было извѣстно, что не все на землѣ происходитъ такъ, какъ того желали-бы люди.

Однажды Джамиль, изъ всѣхъ развлеченій такъ любившій охоту, заѣхалъ со свитою въ далекую, полночную страну голубыхъ горъ, гдѣ по скалистымъ вершинамъ скачутъ серны, по темнымъ дебрямъ бродятъ барсы.

Богатый добычею, день таялъ зарею; азартные охотники давно уже, одинъ по одному, растерялись по лѣсу, когда Джамиль выѣхалъ на берегъ Великой рѣки.

Могучая, величавая рѣка безмятежно застыла въ скалистыхъ, крутыхъ берегахъ, а они, озаренные лучами заходящаго солнца, стоятъ и любуются на себя въ зеркалѣ водъ. Сырыя ущелья и глубокія пади подернулись сизой дымкой тумановъ и вѣютъ прохладой. Закурились смолистыми ароматами вѣковыя дебри лѣсовъ, а надъ ними въ бездонной синевѣ необъятныхъ небесъ одиноко застыло пурпурное золотообрѣзное облачко и тихо все кругомъ, тихо—какъ у праведника на душѣ.

— Привѣтъ тебѣ, красавица страна!

И вотъ, словно тихій рокотъ арфы, звучитъ отвѣтъ:

— И тебѣ, добрый поэтъ.

Джамиль обернулся и видитъ:

Тамъ, на скалѣ съ пышнымъ букетомъ желтыхъ лилій въ рукахъ сидитъ прекрасная, какъ греза майской ночи, лучезарная, какъ мечта, златокудрая дѣва, въ очахъ которой навсегда отразилось весеннее небо.

— Кто ты, — спросилъ Джамиль, — мечта?

— Я—Басайна.

— Басайна!? Это ты, свѣтлая дочь утренней зари? Это ты, Басайна, богиня любви и красоты, которую воспѣли всѣ поэты міра?

— А среди нихъ и ты, Джамиль.

— Да, божественная, да! Въ моемъ сердцѣ всегда жилъ твой образъ, въ моихъ пѣсняхъ я пѣлъ о тебѣ людямъ, но зачѣмъ ты покинула насъ?

И въ ясныхъ очахъ богини пробѣжали темныя тучки воспоминанія.

— Тамъ холодно,—сказала она.—Людямъ не нужно меня.

— О нѣтъ! Всѣ люди поютъ теперь мои пѣсни, посвященныя тебѣ.

— Да,—грустно сказала Басайна,—они всегда поютъ красивыя пѣсни поэтовъ обо мнѣ,

но когда я сама была среди нихъ, они отвернулись отъ меня.

И поникъ головою Джамиль.

— Холодъ земли царитъ въ серцахъ людей,—говорила Басайна,—и чужды имъ дѣти небесъ и чужды имъ радости неба.

— Но развѣ всегда они будутъ такими?

— Нѣтъ, настанетъ и другая пора...

— И ты вернешься, когда захотятъ того люди?

— Такова воля Великаго Духа.

И встрененулось радостью сердце Джамиля.

— Такъ пусть же отнынѣ,—воскликнулъ онъ,—пусть моя жизнь принадлежитъ только тебѣ. Всю, безъ изъятья, отдамъ я ее, чтобы видѣть тебя среди насъ, несравненная!

Въ это время отецъ свѣта — солнце погрузилось за дальнія горы и въ его послѣднихъ золотистыхъ лучахъ, скользнувшихъ по скалистымъ вершинамъ, исчезла Басайна.

*
* *

Унылый и скорбный бродитъ Джамиль по тѣнистымъ аллеямъ дворцоваго сада. Не сіяетъ чело вдохновеньемъ, не блестятъ свѣтозарною мыслью глаза и съ сомкнутыхъ устъ его не

льются жгучія строфы звонкихъ стиховъ, только думы, тяжелыя думы не оставляютъ его и идутъ онѣ безконечно, какъ волны прибоя, и нѣтъ имъ конца.

Онъ не знаетъ, что нужно сдѣлать, чтобъ снова вернулась на землю Басайна.

— Что такъ печаленъ, сынъ мой?—спросилъ Джамиля отецъ.

— О, мой добрый отецъ, меня посѣтило великое горе! Мнѣ кажется, что мое счастье ушло отъ меня, ушло невозвратно: я видѣлъ Басайну и больше не увижу ее.

И Джамиль повѣдалъ отцу, какъ онъ, охотясь въ горахъ, выѣхалъ на Великую рѣку, какъ увидалъ тамъ лучезарную богиню.

И забилось сердце Джамиля радостью воспоминанія и просіяло отблескомъ счастья лицо его.

— Но вотъ теперь,—говорилъ онъ,—умъ мой не знаетъ, а сердце не хочетъ сказать, что мнѣ дѣлать? Что мнѣ дѣлать, отецъ мой?

И Джамиль рыдая склонился къ отчему плечу.

Задумался старецъ, долго думалъ и наконецъ печально сказалъ:

— Я уже старъ, сынъ мой, и мои мысли не всегда вѣрно служатъ мнѣ, но бодрись,-я

соберу на совѣтъ всѣхъ мудрецовъ нашей страны и мы попробуемъ утѣшить тебя.

*
* *

И былъ совѣтъ учителей и мудрецовъ.

— Не безпокойся, повелитель, — сказалъ одинъ изъ нихъ, — вешнія грозы не долги, а горе юнаго сердца проходитъ скорѣе того. Какая-нибудь хитрая дѣвушка изъ горнаго племени обольстила юношу и это такъ, ибо нѣтъ на свѣтѣ никакой богини Басайны, это грза, которая мерещится досужливымъ мечтателямъ. Вели отыскать эту дѣвушку и мы снова услышимъ пѣсни поэта.

— Нѣтъ, повелитель, — сказалъ другой, — не ищи этой дѣвушки, это — злой духъ, коварно принявшій образъ прекрасной женщины, онъ сдѣлаетъ твоего сына несчастнымъ.

— Да, это истина, — подвердили всѣ остальные, — это злой духъ показался твоему сыну, желая погубить его. Не ищи этой дѣвушки, а Джамиль забудетъ ее.

Тогда поднялся старѣйшій изъ мудрыхъ.

— Увы, добрый повелитель, — сказалъ онъ, — твой домъ постигло великое горе: твой сынъ боленъ.

Здѣсь говорятъ, что нѣтъ никакой богини Басайны. Да, ея нѣтъ теперь среди насъ, но давно когда-то и эта богиня имѣла свой храмъ на землѣ. Это было давно, такъ давно, что люди повѣсть о тѣхъ временахъ сказкой теперь называютъ и только поэты хранятъ еще въ сердцѣ память о лучезарной Басайнѣ и вотъ ихъ то, и всегда лучшихъ изъ нихъ, и посѣщаетъ эта страшный недугъ.

Въ ихъ сердцахъ воскресаетъ образъ забытой богини, имъ чудится призракъ ея, онъ зоветъ ихъ куда-то, что-то сулитъ имъ и, обольщенные чуднымъ видѣньемъ, они вѣрятъ въ миражъ и идутъ за нимъ, какъ умирающій жаждою путникъ въ безводной пустынѣ, и— погибаютъ. Это—жертвы Басайны, такъ зовутъ ихъ у насъ.

Несчастные люди! Въ нихъ вселяется безумная мысль: вернуть землѣ, волей боговъ миновавшее, счастье. Неизлѣчимые, они до могилы служатъ видѣнью, они произносятъ горячія рѣчи о лучезарной богинѣ, они идутъ къ людямъ и говорятъ имъ, что Басайна скоро снова вернется, а съ нею будто вернется и счастье страдальцевъ, сирыхъ и бѣдныхъ. Безумцы!

Увы, повелитель, сынъ твой сталъ жертвой Басайны и погибъ невозвратно!

Но въ разбитомъ сердцѣ отца еще теплилась искра надежды, онъ призвалъ на совѣтъ Джамиля, сообщилъ ему мудрыя рѣчи и рыдая сказалъ:

— Пожалѣй старость мою, сынъ мой единственный, призови разумъ твой, забудь видѣніе: оно призракъ, оно погубитъ тебя.

— Не вѣрь, отецъ мой, не вѣрь!—воскликнулъ Джамиль и въ глазахъ его блеснулъ вдохновенный огонь, — я не очарованъ и не безуменъ. Клянусь, клянусь тебѣ небомъ, я видѣлъ ее, лучезарную Басайну, такъ же, какъ вижу тебя. Я далъ обѣтъ служить ей и, пока надо мною сіяетъ жизнетворное солнце, пока я вижу волшебный миражъ, что колышется въ раскаленной пустынѣ и алмазныя звѣзды въ полуночномъ небѣ,—я не забуду ее!.. Но увы мнѣ... я не вижу пути, предо-мной разстилается мракъ и я не знаю... не знаю я, что нужно дѣлать? Какъ исполнить обѣтъ, чтобъ совершилась воля Великаго Духа, чтобъ возвратилась къ людямъ богиня?

Тѣ, которымъ невѣдомо горе мое, живутъ, наслаждаясь, а мое сердце снѣдаетъ тоска. Тѣ,

кому чужда печаль моя, мирно спятъ въ темныя ночи, а мои вѣжды не смѣжаются сномъ. Я бодрствую, но не потому, что страдаю отъ любви, какъ бодрствуютъ въ знойную ночь влюбленные, нѣтъ!.. Перемѣны судебъ не даютъ мнѣ спать!

— Ты слышишь?—спросилъ правителя старый мудрецъ.

— Увы мнѣ, слышу,—простоналъ тотъ, а собраніе низкимъ поклономъ почтило мудрѣйшаго и, проливъ слезы, раздѣлило горе несчастнѣйшаго.

II.

Какъ истощенный старый верблюдъ по пустынѣ—медленно тянется время; какъ стрѣлы надъ полемъ въ бою, носятся думы Джамиля, но тѣнь скорби не сходитъ съ чела его, какъ свинцовая туча съ осенняго неба.

Однажды, въ сопровожденьи свиты, Джамиль возвращался съ охоты.

Ѣдетъ онъ молчаливо-печальный, не радуясь богатой добычѣ, не веселясь быстрымъ бѣгомъ любимца-коня и вотъ видитъ подъ деревомъ старца, углубленнаго въ чтеньѣ.

— Миръ душѣ твоей, добрый человѣкъ,— привѣтствовалъ его Джамиль.

— И надъ тобой пусть будетъ свѣтлымъ небо.

— Что хочешь найти ты на этихъ желтыхъ страницахъ?

— Я ищу путь.

— Слѣдуй за мною, — сказалъ Джамиль, думая, что человѣкъ тотъ ищетъ дорогу въ городъ отца.

Но старецъ покачалъ головой и отвѣтилъ:

— Слѣпой не годится быть вожатымъ слѣпому.

— Но я—зрячъ, добрый человѣкъ.

— Нѣтъ,—сказалъ старецъ,—очи твои еще съ дѣтства ослѣплены блескомъ золота,—сказалъ и снова склонился надъ книгой.

— Это полоумный пустынникъ,—поспѣшили сказать сопровождавшіе Джамиля, — онъ не знаетъ, что говоритъ.

Но Джамиль снова обратился къ старцу.

— Если ты правъ, отецъ мой,—сказалъ онъ,—то дай и мнѣ увѣриться въ истинѣ.

Тогда пустынникъ подалъ ему пожелтѣвшій листокъ пергамента и сказалъ:

— Прочитай.

— Спасибо, отецъ мой. Миръ душѣ твоей.

*
* *

Въ отдаленной окраинѣ сада укрылся Джамиль и читалъ:

1. „Никто изъ живущихъ не знаетъ пока, какъ и когда былъ созданъ міръ,

2. Но Создателя надѣлилъ людей разумомъ и они будутъ знать это.

3. Познавай и узнаешь.

4. Никому невѣдомо, гдѣ начало рода человѣческаго и гдѣ конецъ его,

5. Но людямъ дана любознательность, а она ведетъ къ истинѣ и люди будутъ знать это.

6. Блаженна любознательность.

7. Зло царитъ на великой землѣ; люди страдаютъ и сами не знаютъ, почему они страдаютъ,

8. Но пусть люди скажутъ себѣ: зачѣмъ они живутъ? Отвѣтивъ, они узнаютъ, почему они страдаютъ.

9. Познавайте самихъ себя.

10. Жаждущій истины да не солжетъ душѣ своей на пути познанія, ибо тогда онъ утратитъ истину.

11. А въ ней судьба и счастіе живущихъ на землѣ.

12. Ложь есть смерть".

Долго сидѣлъ Джамиль, размышляя надъ словами поученія, долго туманными были думы его и, наконецъ, онъ сказалъ себѣ:

— Развѣ это такъ? Развѣ правда, что зло царитъ на землѣ? Развѣ люди не поютъ моихъ пѣсенъ, посвященныхъ Басайнѣ?..

А если это правда?... О, тогда ты правъ, суровый пустынникъ, я слѣпецъ. Но люди, развѣ они не видятъ?.. Почему же они...

И вдругъ въ глазахъ Джамиля, словно зарница въ темную лѣтнюю ночь, блеснула какая-то мысль.

Онъ встрепенулся.

— Да будетъ благословенъ часъ этотъ! — воскликнулъ онъ,—я вижу путь мой, я вижу его!

И Джамиль поспѣшилъ къ отцу.

— Отпусти меня, добрый отецъ, я сталъ на путь истины и хочу найти ее. Я хочу пойти посмотрѣть, какъ живутъ люди.

— Да сопутствуетъ тебѣ благословеніе Великаго Духа, — радостно благословилъ сына старикъ и въ сердцѣ его опять затеплилась искра угасшей надежды.

И снялъ Джамиль царскія одежды, надѣлъ рубища, взялъ листокъ поученія и ушелъ изъ дворца.

III.

Миновало три года, когда къ тому дереву, гдѣ было жилище пустынника подошелъ бѣдно одѣтый юноша, въ очахъ котораго блистала мудрость.

— Миръ душѣ твоей, отецъ мой. Вотъ я снова пришелъ къ тебѣ.

— Я не знаю тебя, добрый странникъ.

— Я — Джамиль, царевичъ, которому ты далъ листокъ поученія, чтобы онъ позналъ слѣпоту свою. Теперь я пришелъ сказать тебѣ, что у листка, должно быть, оторванъ былъ край и потому мудрое поученіе не имѣетъ конца. Я сталъ искать его, долго искалъ и вотъ нашелъ.

— Ты нашелъ его?!

— Да, нашелъ.

И Джамиль подалъ пустыннику листокъ поученія, въ концѣ котораго было приписано:

13. „Люди созданы для счастья и наслажденій,

14. Но нельзя быть счастливымъ и наслаждаться тамъ, гдѣ царитъ злоба, звучатъ стоны и льются слезы—это противно законамъ Творца.

15. Въ самихъ людяхъ начало страданій.

16. Жаждущій счастья пусть помнитъ это и знаетъ, что онъ не найдетъ его, пока не умиротворитъ злобствующихъ, пока не успокоитъ стонущихъ и не утѣшитъ плачущихъ,

17. А это можетъ сдѣлать только любящій.

18. Любовь создастъ людямъ счастіе".

Прочиталъ и заплакалъ слезами радости, старый пустынникъ, поклонился Джамилю до земли, поцѣловалъ край его одежды и сказалъ:

— Хвала тебѣ, богомудрый,—ты нашелъ путь истины, ты открылъ людямъ источникъ свѣта. Ты возвратилъ надежду душѣ моей и жизнь сердцу моему. Иди же, иди, благословенный, неси скорѣе людямъ свѣтильникъ твой.

*
* *

И пошелъ Джамиль и шелъ онъ отъ стоянки къ селенію, изъ селенія въ городъ, изъ страны въ страну и вездѣ, гдѣ находилъ хоть одного носящаго имя человѣка, онъ останавливался и поучалъ, благословляя любовь, исцѣ-

ляющую всѣ печали людскія. Онъ прославлялъ Басайну и звалъ людей поклониться ей, этой единой, которой дано побѣдить зло, воцарившееся на землѣ.

Люди внимали ему и одни говорили:

— Въ немъ живетъ мудрость, слушайте его.

— Это смѣшной безумецъ,—говорили другіе,—это жертва Басайны.

Но слава о новомъ учителѣ разнеслась далеко по странамъ земли, ибо вездѣ есть страждущіе и вотъ стали приходить къ нему многіе жаждущіе слова надежды и слушали его.

Въ одномъ городѣ, когда Джамиль кончилъ свою рѣчь, къ нему подошелъ богатый человѣкъ и насмѣшливо сказалъ:

— Ты говоришь увѣренно, но нѣтъ истины въ словахъ твоихъ. Вотъ я. Я дѣлаю добро, но меня не радуетъ это; я дѣлаю зло и не печалюсь. Гдѣ-же твоя любовь?

— Увы,—отвѣчалъ Джамиль,—твое сердце умерло, оно совсѣмъ умерло, а развѣ ты видѣлъ, чтобы свѣтлый, чистый родникъ родился въ мертвыхъ нѣдрахъ гнилого болота?

— Это правда, — сказали люди, — новый учитель провидѣцъ.

Тогда подошелъ къ нему воинъ, прося совѣта.

— Мой домъ полная чаша—сказалъ онъ,—мнѣ невѣдомо горе, но въ мое сердце вселилась печаль: я боюсь, что когда-нибудь враги, убивъ меня, надругаются надо мной.

— А развѣ мертвой овцѣ больно, когда съ нее снимаютъ шкуру?—спросилъ Джамиль.

И молчалъ воинъ.

Въ другой день приступили къ Джамилю, желая испытать его, жрецы, которые завидовали славѣ его.

— Скажи намъ, — спросилъ одинъ изъ нихъ,—развѣ тебѣ не жаль тѣхъ наслажденій, которыхъ ты лишился, уйдя изъ царскихъ палатъ отца твоего?

— Зачѣмъ-же я буду сожалѣть объ нихъ,—отвѣчалъ Джамиль,—когда лишившись величайшаго наслажденія: самой жизни, я не буду жалѣть о томъ?

И разгнѣвались жрецы, не зная отвѣта и, исполнившись злобы, захотѣли унизить Джамиля передъ слушателями.

— Свѣтъ ученія твоего, — сказали они,—

привлекаетъ толпы черни, но почему-же онъ не просвѣтитъ насъ? Это удивительно!

И сказалъ Джамиль:

— Солнце родитъ свѣтъ, а онъ, встрѣтивъ столбъ, даетъ тѣнь, —развѣ это удивительно?

И, обернувшись къ слушающимъ, добавилъ:

— Входя въ лѣсъ, друзья мои, всегда подумайте прежде, какъ изъ него выйти.

Такъ проявилъ Джамиль предъ народомъ великую мудрость и тѣмъ упрочилъ славу свою и стали теперь приходить къ нему множество людей, чтобы услышать поученіе.

И онъ училъ ихъ.

Онъ говорилъ:

— Черный духъ зла воцарился надъ міромъ и широко его царство, и велика его власть, и безчисленны жертвы его.

Вы, приходящіе сюда тысячами, не у каждаго-ли изъ васъ есть печаль, не каждый-ли изъ васъ знаетъ, что тамъ, откуда вы пришли, больше плачущихъ и стонущихъ, чѣмъ тѣхъ, что радуются и благословляютъ судьбу.

Но вспомните преданіе о неразумныхъ поселянахъ. Они пасли стада своихъ верблюдовъ въ верховьяхъ того ручья, при которомъ стояло

ихъ селенiе—и горько плакались на грязную воду.

Вы тоже скорбите?

Но скажите мнѣ, не пасете-ли и вы вашихъ верблюдовъ въ верховьяхъ источника? Не ищетъ-ли одинъ изъ васъ себѣ славы, другой себѣ богатства, иной себѣ покоя и всего другого, что радуетъ сердце человѣка?

Но вы не найдете ихъ, ибо забыли вы, что создавшiй солнце и звѣзды и землю, создалъ ихъ на общую радость, на общее счастье. .

. . . .

Но путь передъ вами.

Люди—страдальцы! Воздвигнемте храмъ лучезарной богинѣ!

И придетъ она ясная, свѣтлая, кроткая и исцѣлитъ насъ безумцевъ слѣпыхъ.

Она придетъ, вернется она и снова воцарится она на землѣ. И исчезнутъ предъ нею горе, страданье и злоба, какъ исчезаютъ ночные туманы предъ лицемъ свѣтозарнаго солнца.

И тогда настанетъ пора и мiръ изъ юдоли печали превратится въ эдемъ. И гулъ миллiоновъ радостныхъ жизней сольется тогда въ одинъ могучiй, торжественный гимнъ, гимнъ

славы добру-побѣдителю въ его послѣдней борьбѣ со зломъ!

IV.

Въ странѣ, гдѣ солнце восходитъ, среди знойной пустыни благоухалъ цвѣтущій оазисъ и городъ стоялъ тамъ. И дивные храмы, дворцы и палаты вѣнчали тотъ городъ, но слава дурная ходила въ народѣ объ немъ и вождь каравана, умиравшій отъ жажды, завидѣвъ оазисъ, съ проклятьемъ скрывался въ безводной пустынѣ.

Говорили еще про тотъ городъ, что изъ гражданъ его ни одинъ не затемнилъ зеркала сердца своего крючками и линіями буквъ и потому городъ не имѣлъ нужды въ книгахъ, а всѣ законы его были начертаны въ сердцѣ правителя и мудрыхъ старѣйшинъ.

И только одно правило было написано буквами: всякій входящій въ городскіе ворота видѣлъ надъ ними крупную надпись, которая смертью грозила всѣмъ бѣднякамъ и надоѣдливымъ нищимъ, осмѣлившимся войти внутрь. Изъ нихъ только фокусники, акробаты, музы-

канты и поэты допускались въ городъ, чтобъ развлекать гражданъ.

Былъ вечеръ, когда въ тѣни стройныхъ пальмъ, обрамляющихъ улицы, появился путникъ въ запыленныхъ одеждахъ, съ печатью знойнаго солнца пустыни на щекахъ.

То былъ Джамиль.

Сѣдовласый старецъ—учитель и мудрецъ, сидѣвшій въ кругу юношей около журчащаго фонтана, увидѣлъ его и сказалъ:

— Юноши, страшитесь судьбы этого пришельца.

— А кто онъ такой?

— У него нѣтъ въ рукахъ инструмента, слѣдовательно это поэтъ, это одинъ изъ тѣхъ презрѣнныхъ нищихъ, которые только во снѣ видятъ иногда сытную трапезу.

Джамиль улыбнулся и, почтительно поклонившись старцу, сказалъ:

— Ты говоришь, что я не часто вижу сытную трапезу — это истина; ты говоришь, что я поэтъ—это правдиво; ты говоришь, что нищій я—это неправда.

— А что же у тебя есть? — спросилъ его старый мудрецъ.

— О! — воскликнулъ Джамиль, — у меня есть нѣчто такое, чему позавидуютъ всѣ твои молодые собесѣдники.

Юноши встрепенулись, но учитель сказалъ имъ:

— Не вѣрьте, друзья мои, этому шутнику. Я живу уже много лѣтъ и видѣлъ, конечно, больше, чѣмъ этотъ голодный поэтъ, но я не знаю никого, кто бы былъ богаче вашихъ отцовъ.

— Я слышалъ о богатствахъ здѣшнихъ гражданъ,—сказалъ Джамиль,—но всетаки я одинъ богаче ихъ всѣхъ.

— Ты?!—удивился старецъ,—но что же у тебя есть?

— Я былъ бѣднѣе всѣхъ въ мірѣ, а теперь нашелъ богатство, которому нѣтъ цѣны.

Старый мудрецъ покачалъ головой.

— Да,—говорилъ Джамиль, — я нашелъ пробный камень для оцѣнки всѣхъ богатствъ земныхъ.

— Хе-хе-хе!—хохоталъ старый учитель — хе-хе-хе! Ты очень веселый человѣкъ, богатый нищій. Ты своими прибаутками можешь заработать себѣ хорошій хлѣбъ. Спѣши же,

пока не настала ночь, и ты найдешь себѣ мѣсто на какой-нибудь веселой пирушкѣ.

— Мой пир тамъ, почтенный учитель, гдѣ я найду чистое сердце.

— Чистое сердце?.. Хе-хе-хе!.. Это еще что за штука? Не вродѣ ли твоего чистаго желудка?.. Хе-хе-хе! Ты, я вижу, большой балагуръ. Такъ покажи себя, развлеки этихъ юношей сказкой. Это хорошо послѣ мудрой бесѣды. Постарайся и по заслугамъ будетъ награда.

И старый мудрецъ крехтя поднялся и усмѣхаясь побрелъ на покой, а юноши тѣснымъ кружкомъ обступили пришельца.

И долго длилась бесѣда. Смеркла заря, блеснули по небу полночныя звѣзды, черныя тѣни окутали сады и дома и только ароматный холодокъ поздной ночи положилъ той бесѣдѣ конецъ.

V.

Площадь совѣта кишитъ народомъ, гудитъ и рокочетъ.

Въ тѣни портиковъ, на ступеняхъ храма

неподвижно сидятъ старѣйшины, а кругомъ море головъ и надъ нимъ, подобно гигантскимъ цвѣткамъ, колышутся цвѣтные зонты и тюрьбаны.

Со всѣхъ сторонъ спѣшатъ на площадь встревоженные граждане, толпа ростетъ, разливается все шире и шире.

Случилось неслыханное.

Глашатаи, пробѣжавшіе утромъ по улицамъ города, возвѣстили о предстоящемъ сегодня судѣ надъ человѣкомъ, который совершилъ гнусное преступленіе.

— Этотъ нечестивый безбожникъ оскорбилъ всѣхъ гражданъ, сказавъ, что они живутъ противно заповѣдямъ Великаго Духа. Крамольникъ преступною проповѣдью о какомъ-то нелѣпомъ всеобщемъ счастьи вселяетъ недовольство въ народѣ. Этотъ злодѣй, лживо пророчествуя о какомъ то новомъ царствѣ, пытался тѣмъ ниспровергнуть богоданный порядокъ. И кромѣ того, обманно прокравшись въ городъ, онъ совратилъ на путь преступленій нѣсколько юношей и съ четырьмя изъ нихъ скрылся куда то въ эту ночь.

— Откуда онъ, такой ужасный злодѣй?— спрашивали граждане и, не получивъ отвѣта, спѣшили на площадь.

А тамъ густыя толпы народу шумѣли, волновались и бурлили, какъ закипающая въ котлѣ вода.

— Сюда нечестивца!

— Смерть ему!

— Что думали старѣйшины и правитель?

— Что дѣлали наставники юношей?

— Судить городскую стражу!

— Казнить ихъ всѣхъ вмѣстѣ съ поэтомъ.

А молчаливые старѣйшины всѣ также неподвижно сидятъ въ тѣни величаваго храма, ожидая поскакавшихъ въ погоню.

— Ведутъ!—раздалось гдѣ-то вдали.

Толпа всколыхнулась.

— Ведутъ къ восточнымъ воротамъ!

— Къ восточнымъ воротамъ... Къ восточнымъ воротамъ!—пробѣжало въ толпѣ и она, подобно водамъ пруда, прорвавшимъ плотину, дрогнула и стремительно ринулась къ восточнымъ воротамъ.

А тамъ, во мглистой дали пустыни смутно виднѣлась какая-то темная точка.

Толпа шумно облѣпила городскую стѣну, крыши домовъ и широкимъ полукругомъ вылилась за ворота.

Праздные зѣваки бѣжали со всѣхъ сто-

ронъ, нарядныя женщины показались на балконахъ. . . . .

Вдали нѣсколькихъ всадниковъ и между ними пять пѣшеходовъ.

— Поймали!.. Поймали!..

Шествіе приближается, народъ нетерпѣливо топчется на мѣстѣ.

— Какъ, онъ даже не связанъ!?—воскликнулъ кто-то изъ стоящихъ впереди.

— Посмотрите! Онъ благодушно бесѣдуетъ съ юношами! Ему еще не заткнули его скверную гортань.

По рядамъ пробѣжалъ глухой, невнятный ропотъ.

И вдругъ стая босоногихъ мальчишекъ съ визгомъ ринулась на встрѣчу; въ слѣдъ имъ подобравъ полы халатовъ, бросились нетерпѣливые, а за ними, взмѣтая облако пыли и оглашая воздухъ ревомъ и гиканьемъ, пустились и всѣ остальные.

А онъ идетъ, тихо бесѣдуя съ учениками.

— Вотъ онъ!

Прибѣжавшіе первыми, задыхаясь, остановились и молча уставились на Джамиля.

— Этотъ-ли человѣкъ совершилъ преступленіе?

— Это онъ.

Толпа окружила Джамиля.

— Но онъ не похожъ на чудовище.

— Онъ обольщаетъ насъ чарами злого духа.

— Ты совращалъ нашихъ юношей?—спросили Джамиля.

— Я открылъ имъ глаза.

Толпа загудѣла.

— Ты говорилъ, что мы живемъ противно заповѣдямъ?

— Говорилъ.

Крики слились въ общій гулъ и первый камень со свистомъ пролетѣлъ надъ головой Джамиля.

— Чего-жъ вы хотите?—спросилъ онъ.

Второй камень глухо ударилъ въ щеку и лицо Джамиля обагрилось кровью.

И тогда проснулся въ сердцахъ людей звѣрь. Люди завыли, исказились судорогами ихъ лица, искривились ихъ губы.

— Басаина!..—воскликнулъ Джамиль,— Басаина, вѣдь ты все-же вернешься къ нимъ!— и упалъ на горячій песокъ, разбитый тучею камней.

*
* *

Печальное царство духа пустыни.

Необъятная, безжизненная равнина, мутное небо, багровое солнце, желтыя волны раскаленныхъ песковъ, рѣдкія, изсохшія стебли былинокъ и кругомъ беззвучная, непробудная тишина.

Курганъ стоитъ средь сыпучихъ песковъ, осѣненный высокимъ могильнымъ камнемъ и рѣдкій путникъ и нынѣ можетъ прочесть на немъ ветхую надпись:

„Джамиль. Жертва Басайны".

Поодаль, на западъ, высоко вздымаясь надъ пустыней, простерся великій песчаный холмъ— тоже могила.

То грозный духъ пустыни отмстилъ убійцамъ слуги Басайны.

Гнѣвный, онъ поднялъ руку и взвыла надъ пустыней грозная буря; ожили мертвыя волны песковъ, закурились желтымъ дымкомъ, заколыхались и безчисленной ратью двинулись на городъ убійцъ.

И на завтра утренняя заря не разбудила

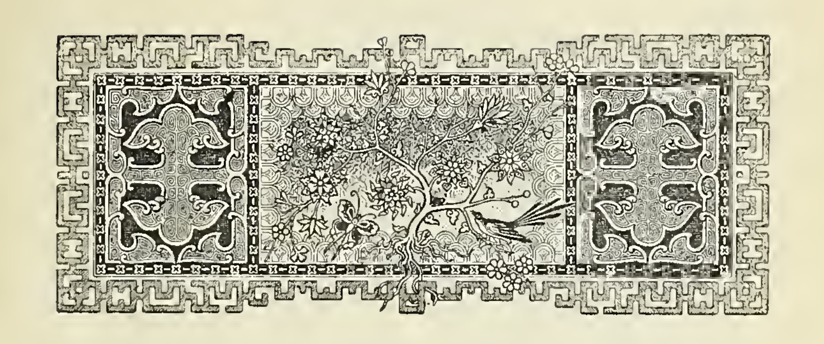
тѣхъ, а вечерняя не имѣла кого призвать къ покою.

Умеръ Джамиль, а люди живутъ и понынѣ, но и понынѣ къ нимъ не вернулась Басайна.

1901 г.

Ванъ - Ло - Хей.

Ванъ-Ло-Хей.

Въ минувшее, давнее время, о немъ ужъ и дѣды забыли,
Цвѣла и плодами была изобильна страна, по которой
Бурливый Хуан-хе отъ горъ и до дальняго моря струится.
И жили тамъ люди, трудясь надъ землею, немудрые люди,
Они еще общимъ отцемъ богдыхана тогда называли,

Входили, покой божества нарушая, къ нему за совѣтомъ
И подлыя дрязги свои и дѣла передъ нимъ разбирали—
И казнью жестокою онъ не каралъ ихъ за дерзость такую;
А кровомъ служилъ богдыхану шалашъ, какъ и прочимъ всѣмъ людямъ
И пара циновокъ изъ свѣжей соломы постель замѣняли.
Давно это было,—и люди тогда, точно дикіе звѣри,
Бродили, налоги платить богдыхану закона не зная;
Въ то время еще и святые жрецы по странѣ не ходили
И тучныя жертвы богамъ не сжигали, свершая молитвы
Какъ нынѣ и, въ славу всесильныхъ небесъ, десятинъ не сбирали.
Въ то время еще не одинъ мандаринъ не родился и люди,
Законовъ не зная, всю землю божественнымъ даромъ считали
— Въ старинное время смѣшные порядки въ странѣ нашей были!

Вотъ въ это-то время, объ этомъ мнѣ старый
дѣдъ Цзинь-фо повѣдалъ,
Ему же отецъ его Ва́нъ-синь и мать Юй-ганьлунь говорили,—
Въ странѣ, небомъ данной намъ, жилъ и прославился мастеръ великій,
Который цвѣты, камыши и злаки морскіе въ циновки
Искусно сплеталъ и люди дивились великому дару.
То даль многоводнаго моря сіяя блеснетъ на циновкѣ
И волны по морю играютъ и чайка скользитъ надъ волнами,
То поле привольно раскинется, рѣчка струится въ осокахъ,
Пестрѣютъ цвѣты, мотыльки и далекія горы синѣютъ,—
Великій былъ даръ Ванъ-Ло-Хею данъ небомъ, создателемъ мудрымъ.

*
* *

Шло время—и дни, неустанно смѣняясь, текли чередою;
Пурпурнымъ сіяньемъ заря на востокѣ пылала и гасла,

А вечеромъ снова прощальнымъ огнемъ людямъ день обѣщала;
Могучія рѣки кончались въ пучинахъ дремотнаго моря
И новую жизнь начинали въ бурливыхъ истокахъ далекихъ.
Отъ вѣка такъ было. Отъ вѣка въ кончинѣ начало рождалось
И въ каждомъ началѣ отъ вѣка таился конецъ неизбѣжный
И жизнь, въ холодной груди старика лишь на мигъ замирая,
Съ цвѣтущимъ дитятею радостно снова она возрождалась.
И было: великій духъ Неба незримо сошелъ къ богдыхану.
Исполнившись духа, народы созвалъ богдыханъ возвѣщая:
— Смотрите! Вотъ страны земли, я въ даръ получилъ ихъ отъ Неба,
Которое нынѣ избрало меня повелителемъ вашимъ.
Отнынѣ я вашъ господинъ и владыко великой земли,
Отнынѣ пусть всякій изъ васъ будетъ даръ приносить богдыхану

И только дары приносящій познаетъ избранника милость.
Отнынѣ мнѣ воиновъ надо, дабы жизнь избранника Неба
Была безопасна, и жить въ шалашѣ неприлично отнынѣ
Владыкѣ, создайте-жъ жилище подобное славѣ великой,
Подобное славѣ великой избранника свѣтлаго Неба!
И кланялись низко всѣ люди, хвалу принося богдыхану
И, трижды склоняясь главой до земли, говорили другъ другу:
Его осѣнила небесная мудрость, онъ нашъ повелитель!—
И кланялись снова и вновь восхвалили небесную мудрость,
Явившую щедрую милость на радость и счастье живущимъ.

*
* *

Шло время—и дни, неустанно смѣняясь, текли чередою,
И дивный дворецъ для избранника Неба народы создали,

И, золотомъ кованный, тронъ подъ сѣнію тканей безцѣнныхъ.
И садъ развели богдыхану въ усладу тѣнистый.
И полонъ былъ садъ ароматныхъ цвѣтовъ и пѣніе птицъ
Стозвучною трелью избранника слухъ услаждало,
А въ гротахъ прохладныхъ, звеня и играя, таились ручьи.
Великія, крѣпкія стѣны и садъ и дворецъ ограждали
И храбрая стража дозоромъ ходила вкругъ стѣнъ неустанно

II.

И было: люди толпами въ дворецъ приходили съ дарами
И, падая ницъ, говорили, что любятъ и чтутъ богдыхана,
Что преданность волѣ его—ихъ высокое счастье и радость
И, съ милостью внявъ, богдыханъ отпускалъ ихъ всегда невредимо.
И только одинъ Ванъ-Ло-Хей не ходилъ на поклоны къ владыкѣ,

Сидѣлъ въ шалашѣ и циновки сплеталъ на продажу, а люди
Дивились и говорили:—зачѣмъ не идешь поклониться?
Смотри, не остаться-бъ тебѣ безголовымъ по волѣ владыки!
— Я новое слышу отъ васъ,—говорилъ Ванъ-Ло-Хей отвѣчая,—
Но развѣ, помимо меня, надъ моей головою еще есть
Владыка? И развѣ кому нибудь дано заставить, чтобъ думы,
Которыя, словно орлы, на свободѣ отъ вѣка витали,
Чтобъ думы, изъ страха предъ палками стражи, летѣли къ дворцу?
У васъ языками не головы видно владѣютъ, а спины..!
Дворецъ вы создали себѣ и потомству своему въ погибель.
А люди ему поклонились смиренно, сказавши другъ другу:
— Онъ тоже избранникъ!—Пошли и дары для него принесли.
Но мастеръ не принялъ даровъ и сказалъ, усмѣхнувшись печально:

— Несите въ чертоги владыки, несите и кланяйтесь ниже.
И былъ недоволенъ владыка, Небесной страны повелитель.
И темная тучка не разъ ужъ по свѣтлымъ очамъ пробѣгала.
И черная дума не разъ ужъ чело бороздила морщиной.
Онъ ждалъ Ванъ-Ло-Хея, когда тотъ придетъ поклониться съ дарами,
Онъ ждалъ, когда мастеръ великій смиренно поклонъ принесетъ.
Безмолвенъ, угрюмо поникъ многодумной главою владыка,
Онъ думалъ... Нѣмая въ великомъ дворцѣ тишина воцарилась.
Беззвучно въ предверьи палаты блестящая стража застыла,
Жены въ покояхъ далекихъ, какъ робкія тѣни, таились
И воины шумную чернь отъ дворцевой стѣны отгоняли.

. . . .

И вотъ—просвѣтлѣло чело богдыхана и вставши сказалъ онъ:

— Эй! Въ путь отправляйтеся, холопы, ведите сюда Ванъ-Ло-Хея!

III.

Былъ полдень, когда повелителя грознаго славные слуги
Пришли къ шалашу Ванъ-Ло-Хея, сказавши:— нашъ повелитель,
Пусть Небо на счастье народовъ продлитъ его славные годы,
Онъ милость имѣлъ наградить тебя счастьемъ великимъ и нынѣ
Предъ свѣтлыя очи избранника Неба ты долженъ предстать.
Украсься одеждой изъ шелка сотканной, умасли косу,
Корицей душистой натрись и смиренно за нами послѣдуй!—
И молвилъ, сплетая цвѣты, Ванъ-Ло-Хей:— слабоумные люди!
Идите къ своему владыкѣ, идите скажите ему,
Что Небо, создавшее міръ—единственный нашъ повелитель!
Оно насъ душей одарило безсмертной отъ вѣка до вѣка

И землю создало, въ усладу живущимъ, прекрасную землю,
Чтобъ люди въ твореньяхъ великихъ познали небесную мудрость.
Вѣка проходили и много еще ихъ идетъ и пройдетъ,
А души людей, безъ конца возрождаясь, еще не узнали
И долго еще не узнаютъ великаго таинства жизни,
Невѣдомъ еще имъ владыко вселенной—небесная мудрость,
Зачѣмъ же безумные люди создали иного владыку?
Для счастья и радостей созданы люди волею Неба,
А не для служенія безчестнымъ и самозваннымъ владыкамъ!
И вы не рабами родились, а волей своего владыки,
Подобны вы стали животнымъ, которыя тяжести носятъ,
По волѣ владыки, который не слышитъ сквозь толстыя стѣны,
Который не видитъ сквозь рядъ мандариновъ своего народа.

Такъ пусть же владыка услышитъ, пусть вашъ
владыка увидитъ,
Тогда я приду поклониться владыкѣ отъ чи-
стаго сердца!
И снова отправились въ путь богдыхановы слав-
ные слуги
И молча свой путь совершали, глубокимъ раз-
думьямъ предавшись.

IV.

Какъ пальмы надъ лономъ затихшей рѣки
передъ бурею, хмуро
Нависли на очи владыки угрюмыя брови и тучи
Чело омрачили и молніи блещутъ въ очахъ
богдыхана.
Принесшійся съ дальняго бурнаго моря, вѣ-
теръ могучій
Качаетъ играя и вертитъ въ дворцовыхъ во-
ротахъ широкихъ
Ослушниковъ подлые трупы, ослушниковъ воли
владыки,
Цѣлуетъ ихъ синія лица, ласкаетъ ихъ длин-
ныя косы,
А новая стража, поникши главами, проходитъ
подъ ними,

Неся приказанье владыки въ убогій шалашъ
Ванъ-Ло-Хея.
Пришли, возвѣстили о всемъ, что случилось
въ великомъ дворцѣ
И просятъ смиренно исполнить желанье из-
бранника Неба
И жизнь имъ оставить. — Свершилось! —
печально сказалъ Ванъ-Ло-Хей,—
Ступайте и слово мое отнесите своему владыкѣ:
Иду къ нему! Но недостойно безъ дара являться
предъ очи
Избранника Неба, я даръ отъ искусства своего
желаю
Смиренно повергнуть къ подножію славнаго
трона владыки!
И радостно слуги отвѣтъ понесли во дворецъ
богдыхана.

V.

Чуткая полночь дозоромъ стояла надъ спящей
землею;
Въ лунномъ сіяніи дальнія горы и море тонули;
Блѣдныя звѣзды по небу бездонному робко мер-
цали;

Въ даль безпредѣльную лентой серебряной
рѣки струились.
Люди уснули, ихъ души безсмертныя всюду
витали,
Сномъ окрыленныя, въ небѣ глубокомъ и въ
морѣ далекомъ,
Витали и зрили чудесный, земными невѣдомый
міръ
И непонятныя таинства жизни предъ ними
свершались.
Холмъ возвышался у берега тихаго моря ве-
ликаго,
Спитъ онъ, а море ласкаясь подножье его ло-
бызаетъ
Теплой волною и шепчетъ невнятно о чемъ-то
забытомъ...
Думой тяжелой объятый сидитъ Ванъ-Ло-Хей
на холмѣ,
Сидитъ и тоскливо взираетъ въ туманы без-
брежнаго моря.
Не море онъ видитъ, онъ мыслью унесся къ
злосчастной толпѣ,
Которую видѣлъ сегодня—то жертвами шли
къ эшафотамъ
Дѣти Небесной страны, непослушные волѣ
владыки.

Знали, что мудрость небесная правитъ мірами отъ вѣка,
Это изъ пѣсенъ Священной рѣки еще люди узнали,
Но въ этихъ пѣсняхъ забыли пророки сказать о владыкахъ
И люди прекрасной Лянь-чжоу не знали земнаго владыки.
Ведутъ ихъ, идутъ они, много ихъ, крови потоки польются
И стонами снова страна огласится сиротъ и бездольныхъ....
И, скорбью томимый, въ тоскѣ неисходной шепталъ Ванъ-Ло-Хей:
— О, какъ бы хотѣлъ я, чтобъ слово мое разумѣли и дѣти,
И сильные мужи, и жены, и старцы; избранники Неба,
И всѣ, коихъ такъ много въ подлунной, немудрые люди,
О, какъ бы хотѣлъ я, чтобъ слово мое они всѣ разумѣли....
Но поздно!.. Великое Небо, ты видишь сердце мое! —
И долго онъ думалъ, ужъ звѣзды померкли, блеснула заря,

Огнями въ безбрежной дали многоводнаго моря
играя,
И, вслѣдъ за тѣнями ночными, отправился въ
путь Ванъ-Ло-Хей.

VI.

Горячее солнце два раза надъ міромъ вели-
кимъ сіяло,
Двѣ ночи прохладой душистой уставшихъ лю-
дей обвѣвали,
День третій засталъ Ванъ-Ло-Хея кончающимъ
даръ богдыхану.
И чуденъ былъ даръ: на циновкѣ раскину-
лось поле большое,
Вдали протекала рѣка, а въ срединѣ зеленаго
поля,
Обвившись по вѣтви священной лотоса, по-
висла змѣя
И, словно живая, уснула съ раскрытою страш-
ною пастью.
А люди не шли любоваться искусно сплетен-
ной циновкой,
Укрылись подъ сѣнію хижинъ послушные волѣ
владыки,

Который толпой запретилъ собираться и рѣчи держать,
Чтобъ подлый измѣнникъ какой-нибудь, Небомъ разсудка лишенный,
Покоя людей не смутилъ, обольстивши ихъ лживою рѣчью...
И было безлюдно, царило безмолвье въ Небесной странѣ,
И буйная пѣснь не звучала, и шумные клики умолкли,
И рѣчь старики не держали, какъ прежде, собравшись на площадь,
Дѣла же вершили за нихъ мандарины, избранника слуги
И много трудовъ и заботъ о неопытныхъ людяхъ имѣли.
И было: свершивши молитву всесильнымъ и добрымъ богамъ,
Съ подаркомъ пошелъ Ванъ-Ло-Хей ко двору богдыхана и стража
Почетная шла впереди, на литаврахъ и трубахъ играя,
И робкіе люди сзади тѣснились, циновкой любуясь.

VII.

— Скажи намъ, учитель,—народъ вопрошалъ
Ванъ-Ло-Хея,—зачѣмъ ты
Подарокъ несешь во дворецъ богдыхана? Не
ты-ль, разразившись
Громовою рѣчью недавно, не ты-ль указалъ
самозванца,
Укравшаго право священнослуженія свѣтлому
Небу? *)
Не ты-ли намъ темныя очи на наши страданья
открылъ?
Не ты-ли насъ звалъ сокрушить ненавистное
иго? Теперь ты
Подарокъ несешь богдыхану въ усладу, безум-
цу который,
Собравъ тунеядцевъ лѣнивыхъ, плоды нашихъ
рукъ пожираетъ?
Подарокъ тому кровопійцѣ, который отъ жиру
взбѣсился
И пыткой нещадною мучаетъ тѣхъ-же, кого
обираетъ,

*) Службу въ храмѣ Неба и донынѣ совершать может только богдыханъ.

Который повсюду создалъ эшафоты и висѣлицъ страшныхъ
Наставилъ.... ему ли несешь ты подарокъ, о мудрый учитель?
— Да, добрый народъ, — и кивалъ головой Ванъ-Ло-Хей, —
Хвала лучезарному Небу, пролившему свѣтъ свой на разумъ
Народа; хвала вамъ, безсмертные духи, заступники наши,
Вы насъ не забыли въ годину тяжелаго, страшнаго горя!
Да, добрый народъ, говорилъ я тѣ самыя рѣчи,
Что слышу теперь, я ихъ говорилъ, но боялся, что вѣтеръ
Въ пустыню уноситъ тѣ рѣчи. Отъ васъ не слыхалъ я отвѣта,
А ждать... но видѣло Небо великія ваши страданья!
Теперь же я радости полонъ за васъ, дорогіе. Свершилось!
И скоро ужъ грянетъ гроза и разсѣются черныя тучи,
Забытое счастье, какъ солнце, надъ нашей страной возсіяетъ! —

А люди сказали:—устами его возвѣщаетъ намъ
Небо.

VIII.

Гремятъ барабаны и трубы трубятъ и рѣютъ
цвѣтныя
Знамена повсюду и громко ликуетъ придворная
челядь
И въ пышныхъ одеждахъ на тронѣ высокомъ
сидитъ богдыханъ.
Кругомъ мандарины длинными стали рядами
безмолвно.
Улыбка скользитъ на устахъ богдыхана и всѣ
мандарины,
Узрѣвши улыбку избранника вѣжливо всѣ раз-
смѣялись.
Вдали, у дверей окруженный воинственно-доб-
лестной стражей,
Не знающій страха, трижды склоняясь, стоялъ
Ванъ-ло-хей.
И молвилъ владыко:—услышать мы рады, что
доброе Небо
Тебя вразумило, вернувши къ истинно вѣр-
нымъ завѣтамъ

От тьмы заблужденій зловредныхъ и богохульныхъ мечтаній
Приблизься, и пусть секретарь прочитаетъ нашъ манифестъ,
Который мы дали сегодня на радость своему народу.
И, кланяясь низко, циновку подъ ноги избранника неба
Постлалъ Ванъ-ло-хей и вѣжливо взапятки вновь удалился,
А слуги давно ужъ держали открытымъ пергаментъ и началъ
Читать секретарь манифестъ богдыхана и долго читалъ онъ.
Припомнилъ великое благо, которое Небо свершило,
Избравъ богдыхана единымъ владыкой небесной страны;
Потомъ указалъ на великую силу избранника неба
И право, чины богдыхана напомнилъ небесъ дарованье;
Сказалъ, что избранника воля—то воля всесильнаго неба
И многія милости сталъ вспоминать — богдыхана дѣянья,

Свершенныя имъ для сугубого счастья своего
народа...
Вдругъ... крикъ прозвучалъ по безмолвно вни-
мающей залѣ и, словно
Трава шелохнулась отъ вѣтра, шарахнулись
всѣ мандарины,
А слуги пергаментъ изъ рукъ опустили; не
знавшая страха
Вся стража задомъ къ дверямъ отступила,
оружьемъ бряцая.
И мертвенно-блѣденъ владыка и въ страхѣ
глядитъ на циновку
И шепчетъ: — живая, живая... ужалила...—
вскрикнулъ владыка
И ринулся къ людямъ: — спасайте! спасите
владыку, холопы!..
Смилуйтесь, добрые люди!—И палъ на колѣни
избранникъ
И въ прахѣ повергся владыка, хватаясь за
полы холоповъ,
А люди всѣ молча, объятые страхомъ вели-
кимъ, стояли.

IX.

Умеръ владыка, а глупые люди, собравшись
на вѣче,

Рѣшили: разрушить дворецъ и вернуться къ
завѣтамъ отцевъ,
Которые жили и счастье видали владыки не зная.
И были разгнѣваны всѣ мандарины небесной
страны,
И гнѣвъ свой великій на дерзкій и глупый
народъ обратили,
Пославши великое множество воиновъ, страха
не знавшихъ,
Избить непокорныхъ и сжечь нечестивыхъ злодѣевъ жилища.
И было: великія смуты въ небесной странѣ
воцарились,—
Безумные люди мечъ обнажили одинъ на другого;
Въ кровавыхъ потокахъ безсчетныхъ, безмѣрныхъ земля утопала;
Отъ края страны и до края жилища, объятыя
пламемъ,
Лазурное небо смрадными клубами дыма темнили;
Жены и дѣти, бродя безъ пріюта, ночами
стенали;
Черные вороны радостно каркали, трупы терзая,
Дикіе звѣри изъ нѣдра пустыни на пиръ собирались

И выли, когда догорали на небѣ вечернія
зори.
Такъ храбрые воины, славные слуги избран-
ника Неба
Великую, пышную тризну своему владыкѣ
справляли
И били людей непокорныхъ и жгли нечести-
выхъ жилища
Во славу владыки. И было безумное, страш-
ное время.

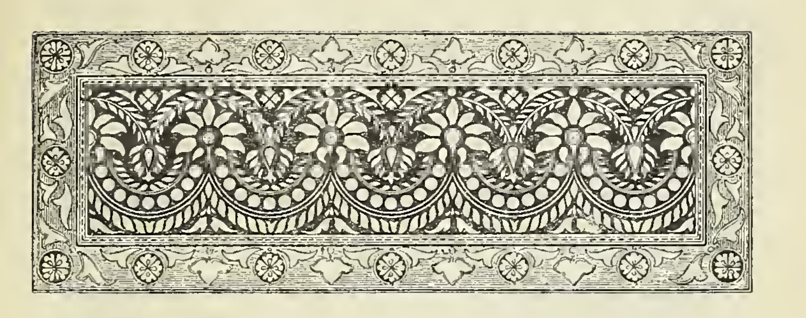
X.

Шло время — и старился міръ безконечный,
изъ тьмы мірозданья
Въ безвѣстную мглу наступающихъ дней на-
правляясь.
И вѣчное солнце надъ міромъ великимъ сіяло,
и звѣзды
Свой путь безначальный свершали, исполнен-
ный тайны,
И жизнь на землѣ пребывала загадка великаго
Неба.
Шло время—и многіе годы надъ міромъ какъ
дни промелькнули,
Забылись легенды о дѣдахъ, преданья отцевъ
затемнились,

Но гордо стоитъ и понынѣ высокій курганъ на
прибрежьи
Хранитель костей Ванъ-ло-Хея, убійцы избранника Неба.
Три дерева старыхъ въ раздумьи склонились
съ кургана и смотрятъ
Печально въ глубокія, синія воды морскія, а
въ бурю,
Когда по надъ моремъ засвищетъ, завоетъ и
черныя тучи
Помчитъ необузданный вѣтеръ, три дерева
вдругъ встрепенутся,
Застонутъ и громко съ волнами бесѣду о
чемъ-то ведутъ.
И слышали люди, которымъ давно ужъ на
радость и счастье
Другого владыку послало всесильное доброе
Небо,
И слышали люди сквозь шумъ бушевавшаго
вѣтра:
И призывъ, и ропотъ, и гнѣвные клики минувшихъ временъ
И съ трепетомъ дѣтямъ шептали про страшную тѣнь Ванъ-Ло-Хея.

1896 г.

Болото.

Болото.

Широко, необъятно широко, раскинулось кругомъ, куда только хватаетъ глазъ, это зловонное и мертвое болото.

Тяжелый смрадъ болѣзнетворныхъ испареній родился въ гніющихъ пучинахъ и повисъ надъ ними непроницаемымъ покровомъ смерти.

Желтозеленая, кишащая гадами вода, недвижно застыла среди грязныхъ кочекъ; и ядовитый паръ медленно вздымается и виснетъ надъ болотомъ.

Здѣсь царство смерти, здѣсь мерзость запустѣнія.

Чахлыя, блѣдныя растенія, умирая медленной смертью, покорно поникли головами и нѣма ихъ блѣдная листва.

Тамъ, гдѣ-то далеко-далеко, слышится жизнерадостный гомонъ и веселый шелестъ, потревоженной зефиромъ, рощи, а здѣсь,—налетитъ неожиданно вѣтеръ, тряхнетъ, шевельнетъ хилую траву—она болѣзненно дрогнетъ, покорно склонитъ голову въ другую сторону и вновь застынетъ беззвучной, мертвой дремой.

И лишь нестройный, дикій хоръ прожорливыхъ и толстыхъ гадовъ, ликуя, гремитъ побѣдный гимнъ и мощно онъ гудитъ, несется изъ конца въ конецъ всеторжествующій, всеубивающій.

Давно когда то изъ сѣмя, принесеннаго вѣтромъ издалече, робко зацвѣла на кочкѣ незабудка, но не на долго, зеленый гадъ, проползшій мимо, втопталъ цвѣтокъ холодной, слизистою лапой въ грязь....

Гніетъ болото и тяжелый запахъ мертвечины надъ нимъ несется, съ нимъ вмѣстѣ гадовъ смерти гимнъ, какъ будто трупный запахъ рождался въ звукахъ гимна.

Былъ знойный душный полдень. Тихо на болотѣ. Зарылись гады въ тину и только миріады безобразныхъ головастиковъ шустро носятся межъ кочекъ, да слизняки ползутъ въ травѣ и всюду тянется за ними слюнявый слѣдъ.

И вдругъ вздрогнуло и всколыхнулось все болото — то бурный ключъ подземный пробился наконецъ и блещущимъ фонтаномъ взвился надъ трясиной. Какъ искры заиграли, блеснули на солнцѣ радужными огоньками хрустальныя струи и свѣжая волна зефира побѣжала надъ болотомъ.

И всполошились гады, со страхомъ смотрятъ на блестящій гейзеръ, но.... то было не долго.

Фонтанъ все ниже, ниже и вмѣстѣ съ чистыми струями взлетаетъ грязь, — все гуще, гуще и... кончилось.

Исчезъ блестящій гейзеръ, безсилный, онъ снова скрылся подъ землею.

И снова тихо на болотѣ и крѣпнетъ смрадъ и зыблется гнилой туманъ стопами смерти: идетъ она и никнутъ долу травы...

1899 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Того же автора:

По горамъ и лѣсамъ. Повѣсть. Спб. 1903 г. ц. 60 к.

— „Содержаніемъ этой, живо и интересно написанной, книжки служитъ разсказъ о томъ, какъ четыре гимназиста, увлеченные похожденіями героевъ Майнъ-Рида, рѣшили предпринять путешествіе на „Столбы“—гигантскіе скалы вблизи Красноярска. въ Сибири. Рядъ приключеній, то комическихъ, то непріятныхъ. а затѣмъ обоятельное дѣйствіе природы заставляютъ молодыхъ мечтателей совершенно забыть Майнъ-Рида и приводятъ ихъ къ заключенію что родные горы и лѣса нисколько не хуже Африки и Америки. Книжка г. Анучина будетъ прочтена юными читателями съ неослабѣвающимъ до конца интересомъ“.

„Кіевскіе Отклики“.

— „Веселый и живой разскзъ о мальчуганахъ, отправившихся путешествовать по Майнъ-Риду, съ интересомъ прочтется дѣтьми 10—12 лѣтняго возвраста. Приключенія „Союза Пяти“, заставившія легкомысленныхъ путешественниковъ признать, что Майнъ-Ридъ—обманщикъ, которому вѣрить не слѣдуетъ,—разнообразятъ красивыми описаніями величественной сибирской природы“.

„Юный Читатель“. № 3. 1904 г.

—„...Повѣсть написана довольно живо, фабула развивается легко и свободно. По своему содержанію книга можетъ быть рекомендована 12—14-лѣтнимъ читателямъ“.

„Курьеръ“. № 5. 1904 г.

— „...Повѣсть написана довольно бойко и прочтется 10—11-лѣтней дѣтворой не безъ удовольствія, она познакомитъ дѣтей съ картинами сибирской природы, а описывать природу авторъ умѣетъ“.

„Русск. Мысль“. № 5 1904 г.

— „Среди нашей литературы для юношества, въ большинствѣ вымученной или тенденціозной, настоящая повѣсть г. Анучина представляетъ очень отрадное исключеніе. Прелестный разсказъ написанъ настолько живо и увлекательно, съ такимъ яркимъ воспроизведеніемъ дѣтскихъ впечатленій автора, что настоящую повѣсть, мы увѣрены, съ большимъ удовольствіемъ прочтетъ не только ребенокъ или юноша, но и каждый взрослый. Отъ души желаемъ успѣха этой симпатичной книжкѣ!"

„*Ревельскія Извѣстія*". № 8. 1904 г.

Вѣчный скиталецъ. Такмакъ. Спб. 1904 г. ц. 5 к.

— „Сюжетъ этой легенды облеченъ г. Анучинымъ въ поэтичную, литературную форму. Написано ярко, сочно, колоритно. Цѣль этого изданія—для распространенія въ народѣ. Полнаго успѣха!—такъ какъ оно даетъ отличную, здоровую пищу темному брату". „*Новости*". 22 мая 1901 г.

— „Книжечка прочтется дѣтьми съ интересомъ и не безъ пользы". „*Всходы*". Октябрь 1901.

— „Обѣ книжки заслуживаютъ широкаго распространенія. Идейный сюжетъ, яркая, сочная обрисовка дѣйствующихъ лицъ и замѣчательная красота изложенія,—красота, отъ которой вѣетъ свободнымъ духомъ минувшихъ вѣковъ, вѣетъ дикимъ просторомъ и первобытнымъ величіемъ Сибири".

„*Сибирскій Наблюдатель*". II. 1903 г.

Книжка **допущена** У. К. Министерства Народн. Просвѣщ. въ *безплатныя народныя читальни и библіотеки.*

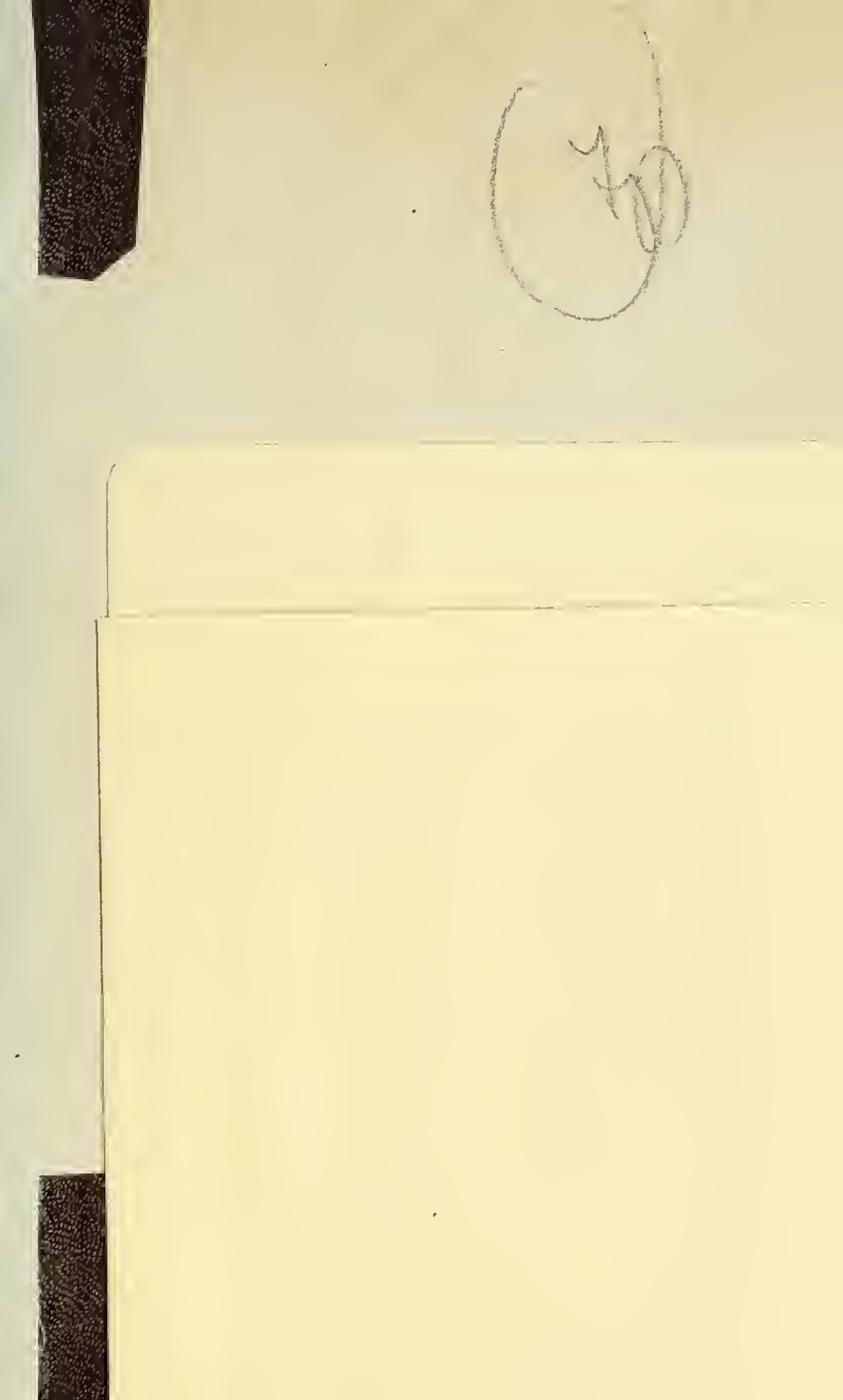
Уважили. Разсказъ. С.-Петербургъ ц. 5 к.

— „Лицомъ къ лицу съ потрясающей мистикой жизни ставитъ насъ этотъ простой, отъ начала до конца конкретный, разсказъ".

„*Научное Слово*" X. 1903 г.

Тип. Исидора Гольдберга. Спб.

DUKE UNIVERSITY LIBRARIES
Skazaniia / V. Anuchin.
891.733 A636S
D903557512